

МАСТЕРСКИЕ (§ 27—32)

§ 27. «Мастера-камнеделы» и общее обозначение для ремесленников

Дальше в этой главе будет показано, что общим обозначением для ремесленников служило слово *хъмт*, собирательное обозначение, которое точнее всего было бы передать как «мастерство» — в смысле совокупности мастеров, но за отсутствием такого значения у русского слова придется передавать как «мастера». В словаре раньше общих значений корня, на первом месте, следовательно, как основное, от которого могли произойти остальные, приведено особое, частное значение: *хъмй* — «сверление (каменных сосудов сверлом таким-то)». Слово засвидетельствовано лишь в Старом царстве и считается в словаре глаголом с неопределенным наклонением женского рода¹. Действительно, словом, которое можно читать *хъмт* (знак сверла + *t*), надписаны некоторые из староегипетских изображений сверлильщиков каменной посуды: в гробнице *Чий* — GAR:XXXV=GT:CXXXIV (дважды); в гробнице *Ибий* — RTDG I:XIII (дважды и раз с пропавшим знаком сверла), по-видимому, также на обломке GAR:XXXIII. Однако это слово не значит «сверление», и вот почему. В этой же гробнице *Чий* на том же самом изображении рядом со сверлильщиками сосудов показаны другие камнеделы — двое мужчин, молотами обрабатывающие изваяние. Само оно надписано словом «изображение», работник позади его — словом *хъмт* (знак сверла + *t*), работник впереди — общим пояснением действия: «Творение работы (людьми) *хъмт* (то же написание)». Это пояснение относится только к обрабатывающим изваяние, не к их соседям — сверлильщикам посуды, потому что над теми свое пояснение: «Творение работы сверла (*снхът*)». Значит, *хъмт* имеет в виду производственную деятельность более широкую, чем одно сверление посуды, раз прилагается и к камнеделам-молотобойцам. Затем в пояснение к ним оно определенно и несомненно может обозначать только работников, а

¹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 3, с. 82.

не работу, так как вводится предлогом *йн*: «сотворение работы со стороны (таких-то)». Заметим также, что ни в одном из пояснений — ни к сверлильщикам, ни к молотобойцам — не употреблено *хъмвт*, что было бы вполне подходящим, если бы оно значило «сверление», а сказано описательно: «сотворение работы» тем-то или теми-то. В гробнице *Пийп-снх Хъний* изображены четверо сверлильщиков каменной посуды, но ни к одному из них не приписано слово *хъмт*. Напротив, в надписи над ними стоит то же описательное «творить работу»: «Твори(те) работу гораздо; смотрите, сановник жалует вас» (RTM V:XVII=XVI). Зато над их соседом, лощащим каменным лощилом изваяние, написано *хъмт*. Затем то же слово, притом все в том же написании — знак сверла + *т*, стоит у следующего изображения — мужчины, отнюдь не сверлящего, а подносящего князю готовый каменный сосуд. Ни в том, ни в другом случае *хъмт* не может здесьзначить «сверление», в случае подносящего сосуд оно даже не может обозначать производственного действия. Также в гробнице *снх-м-с-хър* словом *хъмт* надписан работник, не сверлящий, а лощащий каменный сосуд (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Надписание *хъмт*, выходит, обозначает не работу, а самих работников и значит не просто «сверлильщик», но шире по значению — «камнедел». Читать это слово только как *хъмт* тоже не годится, так как оно вовсе не неопределенное наклонение от некоего глагола, а существительное, вдобавок мужского рода, так как обозначает мужчин. Оно не может кончаться на *т*, потому что тут *т* могло бы быть лишь окончанием женского рода, а должно быть словом мужского рода, производным от женского, кончающегося на *т*, произведенным с помощью окончания *й*. Иными словами, это слово надо читать *хъмти* или — полнее — *хъмвти*, если то женское слово, от которого произведено наше мужское, есть собирательное *хъмвт* — «совокупность мастеров-камнеделов». Это *хъмвт* как обозначение именно камнеделов, а не ремесленников вообще, возможно, представлено в гробнице *снх-м-с-хър*. Начальник кузнецов назван здесь «распорядителем кузнецов», начальники кожевенников — «распорядителями палаты (*йз*)», начальники же камнеделов — «распорядителями *хъмт*» (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Один «распорядитель *хъмт*» сверлит сосуд, и то же делает его подчиненный; над ними, поясом выше, «распорядитель *хъмт*» лощит каменный сосуд, и тою же работою занят тут же рядовой *хъмт(й)*. Поскольку надписание последнего — знак сверла + *т* + знак *хъм* (колодец) — совершенно совпадает с написанием *хъмт* в обоих титлах «распорядитель *хъмт*», кажется все-таки более вероятным, что и в титлах распорядителей надо читать *хъмт(й)*, и эти титлы значат не «распорядитель камнедельчества (совокупности камнеделов)», а «распорядитель мастеров-камнеделов» (*ймй-р' хъмт(в) тйв*).

Слово *хъмвти* известно словарю, но только для Среднего и

Нового царств². В надписях Старого царства, в написаниях родственных рассмотренным, его усматривал Х. Юнкер³. Если такие надписания — *хъмт* — приданы отдельным изображениям мужчин, никаким сверлением и вообще работой не занятым, можно читать только *хъм(в)ти*, и тем самым к приведенным уже примерам этого слова прибавляются новые. Рыботорговец взывает к покупателю: «(Рыба) бет добрая весьма, *хъм(в)т(и)*!» (ход к пирамиде *Внис*, ASAE XXXVIII:XCVI); среди свидетелей завещания сидит «*хъм(в)т(и)* *Б'к*» (гробница *Вн-м-нфрт*, EG II:против 190); в обоих случаях *хъм(в)т(и)* написано знаком сверла и буквою т. Это же слово содержится, очевидно, в одной надписи, утверждающей право умершего на гробницу как на благоприобретенное достояние: «(Что) до человека всякого, сотворившего для (меня) это (т. е. гробницу), никогда не дулся он на (меня), будь то *хъм(в)т(и)*, будь то каменотес: умиротворил (т. е. удовлетворил) (я) его» (из гробницы *Мий*, UAR:23). Эта надпись позволяет уточнить производственное лицо *хъм(в)т(и)* как в ней самой, так и в перечне свидетелей у *Вн-м-нфрт*. Гробницу для *Мий*, если она была каменная, сооружали каменных дел мастера. Ими, бесспорно, были «каменотесы» (*хърти-нчр*), и вряд ли кем иным мог быть *хъм(в)т(и)*, названный перед «каменотесом». В списке свидетелей *Вн-м-нфрт*, удостоверявших передачу им сыну части своей гробницы, *хъм(в)т(и)* назван опять-таки перед «каменотесом»: «*хъм(в)т(и)* *Б'г*», и сразу за ним «каменотес *Кн'*», т. е. точь-в-точь так же, как в надписи *Мий*. В обоих случаях *хъм(в)т(и)* назван первым, можно думать, в силу большей тонкости его работы. Поскольку он отличен от каменотеса, на его долю приходились скорее всего отделка гробницы, ваяние ложной двери, изображений, надписей, жертвеников и т. д., вряд ли одна раскраска, тем более что назван был бы тогда у *Мий* не он, а живописец — «писец очерка»; у *Вн-м-нфрт* «писец очерка *Х'й-р*» значится в списке свидетелей как особое лицо. И уж конечно, *хъм(в)т(и)* ни тут, ни там не «ремесленник» или «мастер» вообще, раз у *Мий* отличен от другого ремесленника — «каменотес», а у *Вн-м-нфрт* стоит в списке рядом с такими ремесленниками, как «строитель (*къд*)», «писец очерка», «ваятель», «каменотес». К *хъм(в)т(и)*, которого приглашает купить рыбу торговец у *Внис*, нам придется еще вернуться.

Слово *хъм(в)т* встретится нам в дальнейшем как общее обозначение для ремесленников — нечто вроде «мастакство», в смысле «совокупность мастеров-мастаков». Но было ли это основным, а тем более единственным значением слова?

В разделе главы о «чистой (мастерской)» будет приведена полностью надпись *Н(и)-снх-схмт* о сооружении ему царем

² Там же, с. 86.

³ Junker H. Giza VI. Wien und Leipzig, 1943 (DAWW. Bd. 72, Abh. 1), c. 23.

ложных дверей для гробницы (см. § 29). «Дало величество его доставить ему две ложные двери из (каменоломен) *P'*-в (подле Мэнфе), из камня. Поместили их внутри чертогов (дворца) „Воссияивает великий (венец) *C'xъ-в(й)-рс*“. Поместили двух великих (среди) предводителей мастеров (*хъмвт*) (и) мастеров (*хъмвт*) чистой (мастерской) на них. Творили работу на них в присутствии царя самого. Появлялась (положенная) часть работы (?) повседневно. Смотрели, (как) творили на них во дворце ежедневно. Дало затем (*дй йн*) величество его поместить краску на них, расписали их *лазурью*» (UAR:38—39). Делом «мастеров» была здесь явно отделка доставленных из каменоломни плит и затем раскраска, надо полагать, надписей в синий цвет. Эти «мастера» были определенно камнеделами, хотя и умели раскрашивать вырезанные ими надписи. На камнях поминального храма царя *Мн-к'в-рс* сохранилось немало пометок, сделанных обычно красною краской и сообщающих, какое подразделение «мастеров», обыкновенно с добавлением слова «нагорье» (т. е. кладбище), выполняло данную работу. Примечательно, что все такие пометки (М:чертеж XII, многократно) стоят только на твердом камне (граните), тогда как на мягком камне упоминаются другие работники (см. ниже)⁴.

Единственное исключение — пометка на известняке, называющая «мастеров», но без добавления «нагорья» (М:чертеж XI, № XXVI). Конечно, эти *хъмвт* могут быть только камнеделами. Притом это мастера своего дела, потому что лишь им поручается трудный камень; легкий камень — дело обычновенных работников. Ниже будет приведен ряд надписей, удостоверяющих выдачу вознаграждения «мастерам» (*хъмвт*), сооружавшим гробницу тому или иному частному лицу. Поскольку речь в этих заявлениях идет о каменных гробницах или каменных частях гробниц, на которых начертаны надписи, «мастера», их сооружавшие, должны были быть в первую очередь опять-таки камнеделами. В каменоломнях в пустыне, по дороге от Кэбто к Красному морю, перечислены на скалах лица, руководившие предпринимавшимися туда походами за камнем. В одной надписи в числе таких лиц названо пять «смотрителей мастеров (*хъмвт*) дома большого (т. е. дворца)» (UAR:95=DAeAe II:115 c), в другой — пять «смотрителей мастеров (*хъмвт*)» (UAR:93). В первой надписи упомянут еще «распорядитель строителей пирамиды», во второй — трое «тех, кто при веши царевой, распорядителей строител(ей)». Никаких других ремесленников не названо, если только не счесть за такового сановного «рубильщика царева, строителя в обоих домах (т. е. обеих половинах царства) *Мрий-рс-мрий-птихъ-снх*» из второй надписи. Названы только *хъмвт* и «строители» — в составе титлов и их начальников. Ясно, что такому количеству «мастеров» —

⁴ Reisner G. A. Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Giza. Cambridge, Mass., 1931, с. 70—71, 86—87, 179—180.

каждый раз под пятью начальниками — иного в каменоломнях нечего и было делать, как только добывать и обрабатывать камень. При этом в каменоломнях добывались ценные твердые породы камня, так что снова, как и в храме при пирамиде *Мн-к'в-р^с*, «мастера» оказываются привлеченными для работы над твердым камнем. Очевидно, они-то и были искусными камнеделами, каменных дел умельцами. Среди ремесленных начальников «чистой» мастерской имелись начальники «мастеров» (*хъмвт*): «распорядитель мастеров чистой» (гробница *Птхъ-в'ш*, EG II:VI=8—12; гробница *Хъпв*, не сама, а *Нфр-сим-птхъ*, MAE:392), «наставник мастеров чистой» (жертвенник *Хътп-йб*, ETSOSMAEUC:VI=UAR:230; *Нсй-всир*, DARMK: 127; гробница *Птхъ-в'ш*, его сын *Птхъ-шпсс*, EG II:10; притолока *Хмтнв*, сам и сын *Нфр*, DARMK:226), «распорядитель десяти мастеров чистой» (жертвенник *Хътп-йб*, ETSOSMAEUC: VI=UAR:230). Но по «чистой» мастерской числились начальники и других ремесленников помимо *хъмвт*: «наставник каменотес(ов) (*хъртй-нср*) чистой» (изваяние *Ир-птхъ-к('й)*, DPMH:417), «распорядитель кузнецов чистой» (изваяние *К'-хр-птхъ*, SSKPMK:170), «распорядитель столяров (*фнх(в)*) чистой» (гробница *Птхъ-хътп* градоначальника, его «брать собственный» *Шсчф*, GAR:II=TP:XL). Значит, *хъмвт* «мастера» были здесь не мастерами вообще, не вообще ремесленниками, а определенными мастерами, определенными ремесленниками, отличными от других: каменотесов, кузнецов, столяров. Очевидно, и в «чистой» мастерской *хъмвт* обозначало камнеделов. Вспомним, что звание «распорядитель мастеров» дважды написано над производителями каменной посуды в многоремесленной мастерской в гробнице *«нх-м-с-хър*, один раз — над сверлящим, один раз — над лощащим сосуд человеком (GAR: XXXIV=RTS:XXXIII).

Выходит, что должности начальников над «мастерами» — будь то «распорядители» их в «чистой» или многоремесленной вельможеской мастерской, будь то «наставник» их в «чистой», «смотритель» их в каменоломнях или «начальники десяти их» по «чистой» же мастерской — имели в виду определенный вид ремесленников, именно камнеделов. Придя к такому выводу, мы будем, пожалуй, в состоянии определить значение *хъмвт* и в титле ведущих сановников Старого царства⁵ — двух «великих (среди) предводителей мастеров (*хъмвт*)».

Мы уже читали в надписи *Н(й)-снх-схмт*, как для работы над двумя ложными дверями, доставленными из каменоломни для его гробницы, «поставили двух великих (среди) предводителей мастеров (и) мастеров чистой (мастерской) над ними» (UAR:38=MAE:204—205). В гробнице *Дбхъ.н(й)* мы находим тех же сановников опять-таки занимающимися камнем: «Сказывает он: (Что) до гробницы этой, (то) это царь (и) государь

⁵ *Maystre Ch. Sur les grands prêtres de Ptah.— JNES. 1949, vol. 8, № 2, c. 84—89.*

Мн-к'в-р^с [—жив он вечно!—] (есть) давший отцу (моему). Вот объявились, (что?) — — — — дорога рядом с высотою (т. е. местоположением великих пирамид подле Мэнфе). Смотрение (на) работу, твор(ивших?) (пирамиду) „Божествен *Мн-к'в-р^с*“ — — — [рубильщик царев], строитель с [двумя] великими (среди) предводителей мастеров, [с мастер]ами. Остановка на нем, чтобы посмотреть работу твор(ивших?) — — — два великих (среди) предводителей мастеров — — — . Доставили камень из каменоломен *P'-'в* (подле Мэнфе), чтобы отдельать известняком храмину там, с двумя ложными дверьми врат в гробницу эту. То (были) два (?) судна с двумя великими (среди) предводителей мастеров и рубильщиком царевым, строителем, что пришли — — » (UAR:18, 20=DAeAe II:XXXVII b). Будучи сами высшим начальством над «мастерами», эти сановники числят в своем окружении более мелких начальников над теми же «мастерами». Так, «распорядитель мастеров *Сбк-хътп*» и «распорядитель мастеров *Йрй*» доставляют потребное для поминок «великому (среди) предводителей мастеров» *Птхъ-шпсс* (SM: XXIX=отчасти MAE:379). Таковыми начальниками бывали нередко собственные сыновья сановника. У того же вельможи сыновья *С'в* и *Птхъ-шпсс* состояли каждый «надзирателем (ймй-хт) мастеров» (SM:XXIX, XXX, XXXI=MAE:378). У «великого (среди) предводителей мастеров» *С'в* находим «сына его, надзирателя мастеров дома большого (т. е. дворца) *С'в*», и «сына сына его (т. е. внука), надзирателя мастеров дома большого *Птхъ-шпсс*» (DARMK:XXI=94). Как было только что выяснено, обозначение «мастера» в подобных должностных званиях имело в виду не ремесленников вообще, а определенный род таковых, именно камнеделов. Тесная связь носителей таких званий с «великими (среди) предводителей мастеров» подтверждает связь этих сановничих должностей с каменным делом и одновременно изложенное выше понимание званий рядовых начальников над мастерами. Как известно, «великие (среди) предводителей мастеров» были по совместительству жрецами богов Мэнфе Птаха и Сокера. «Слугою божьим Птаха, слугою божьим Сокера» названы «распорядители мастеров» *Ффй* (DARMK:27=MAE:101) и *Хв.н-птхъ* (SM:III 3; DARMK:I=1), «распорядитель мастеров чистой (мастерской)» или просто «распорядитель мастеров» *Хъпв* (MAE:392). Исправление одних и тех же жреческих должностей «великими (среди) предводителей мастеров» и «распорядителями мастеров» опять подтверждает связь между теми и другими и, следовательно, причастность тех и других к каменному делу.

Что в сане «великого (среди) предводителей мастеров» последнее слово обозначало не ремесленников вообще, а только определенный вид ремесленников, возможно, пожалуй, умозаключить и по следующему любопытному обстоятельству. В титлах вельмож, имевших этот сан, неоднократно встречает-

ся наряду с ним еще одно звание, содержащее слово «мастера» (*хѣмвт*). К нему в этом звании неизменно добавляют определение «всяческие» (*нбт*): «предводитель мастеров всяческих». Надо думать, что определение добавляется не зря, но должно указывать, что имеются в виду всякие ремесленники, а не одни камнеделы. Так что в этом случае слово «мастера» значит «ремесленники» вообще. Это подтверждено как будто и тем, что в титлах «великих (среди) предводителей мастеров» звание «предводитель мастеров всяких» следует сразу за званием «распорядитель чистой (мастерской)»: «распорядитель чистой (мастерской), предводитель мастеров всяких» (*С'бв Йббй*, МАЕ:375; *Птхѣ-шпсс*, МАЕ:130=НТЕСВМ:XIII, но в последнем издании опущено *нбт*; другой *Птхѣ-шпсс*, СМ: XXVIII). «Чистая (мастерская)» была многоремесленной мастерскою, включала в себя разных мастеров (см. § 29), и потому упоминание в титлах сановников вслед за нею «мастеров всяких» было в порядке вещей. Без предшествующего «распорядитель чистой (мастерской)» звание «предводитель мастеров всяких» стоит в титле «великого (среди) предводителей мастеров» *Птхѣ-шпсс* (УАР:53=НТЕСВМ:XI, XIII=МАЕ:113). Вероятно, ремесленников вообще имеет в виду и звание «распорядитель мастеров всяких», включенное в титла *Хѣтп-хѣр-н-птхѣ* (УАР:231) и *Инай-снх* (МАЕ:255), не бывших «великими (среди) предводителей мастеров». Первое лицо, большой вельможа, хотя и был, между прочим, «распорядителем работ всяких», подобно многим крупным сановникам того времени, по производственной части имел скорее отношение к строительству вообще, а не к каменному делу, как таковому. Числя за собою по одной должности по земельному и по поварскому управлениям («властитель двора большого» и «предводитель места пищи»), он носил до шести званий, начинавшихся словом «рубильщик»: «рубильщик царя Низовья», «рубильщик (ладьи) *нвд(т?)*» (т. е. ладьи египетского бога точил), «плотник (священного города) *Нхн*», «плотник дома», «рубильщик власов земли (т. е. растительности)», «рубильщик...». Если нельзя утверждать, что каждое из этих «рубильщичьих» званий имело отношение к действительному плотничеству, то такие звания, как «рубильщик (ладьи) *нвд(т?)*» и «рубильщик власов земли», как бы ни понимать их, имели в виду уж никак не каменное строительство. Другой «распорядитель мастеров всяких» был неким производственником «дома большого», т. е. дворца, и соответствующее звание упорно и на первом месте повторяется в его титлах: «кузнец... великий (или: „старший“) дома большого», «плавильщик (?)... дома большого». К каменному делу он, значит, вряд ли был причастен.

С «мастерами всякими» мы встречаемся еще раз в титле «великих (среди) предводителей мастеров», но уже не в назывании должности, а в одном хвалебном обозначении этих сановников: «делающий сладостными (т. е. приятными) мастеров

всяких» (*С'бв Йббй*, UAR:82=MAE:413—415), «делающий сладостными мастеров всяких у царя» (*Птхъ-шпcc*, UAR:53=HTESBM:XI=MAE:113). Навряд ли вельможи хвалились, что снискали милость царя одним камнеделам; более вероятно, что они хвалились обретением ее для «всех» ремесленников.

Итак, похоже на то, что прибавка определения «всякие» превращала *хъмвт* из «мастера-камнедела» в «мастера вообще». Последнее значение слово *хъмвт*, несомненно, имело. Оно уже в Старом царстве нередко служило общим обозначением ремесленников. Князь смотрит, как работают разные ремесленники: кузнецы, столяры, плотники, каменотесы, изготовители каменной посуды, камнерезы, сборщики ожерелий (гробница *Йббй*, RTDG I:XIII—XVI), а надпись гласит: «Смотрение на работу всякую в палате мастеров в руках мастеров всяких (царского) местожительства (и) извне, счет рук мастеров всяких писцами собственными его (т. е. князя), сотворение замысла работы всякой в присут[ствии кн]язя» такого-то (гробница *Йббй*, RTDG I:XIII). Кое-кто из изображенных работников надписан еще особо по роду своего ремесла: «рубильщик (т. е. плотник)» (RTDG I:XIV), «каменотесы» (RTDG I:XVI), «камнерезы» (RTDG I:XIII, XIV) и т. д. Этим самым еще резче оттенено, что *хъмвт* в общем заголовке изображения есть обозначение для всех родов ремесленников. В том же смысле слово употреблено в надписи к изображению другого князя, смотрящего на разных ремесленников: камнеделов, кузнецов, изготовителей украшений: «Смотрение (на) работу всякую мастеров» (RTM V:XVII). Тут же отдельные виды ремесленников носят особые обозначения: «сборщики украшений», «кузнецы» и т. д., что опять-таки оттеняет обобщающий смысл *хъмвт* в общем надписании изображения. Обозначением для всяких ремесленников служит это слово и в приписке к людям на том же изображении, несущим — позади князя — довольствие ремесленникам: «Доставка (съедобных) вещей мастерам». К наброску, изображающему разных работников судостроительной мастерской, двух плотников и одного кузнеца, приписано сбоку: «Мастера (хозяина гробницы) *K'-м-к'*» (ошибочно вместо *K'-м-нх*, G IV:X). В так называемом папирусе «Рамессеум Е», среднеегипетском списке древнего погребального чина, восходящем к староегипетскому подлиннику⁶, разные ремесленники озаглавлены вкупе как *хъмвт*: «Мастера всякие, орудия(я) [их в руках их]: золотарь, ожерелье в руке его, плотник-пильщик, пила в руке (его), [(какой-то ремесленник, что-то)] в руке его, пекарь, *‘мджв* (или: *нмджв*), [какой-то ремесленник], убиратель (волос? — *шкрай*[ий]), печатник (т. е. изготовитель печаток), [(какой-то ремесленник)]» (JEA XLI:V, строки 96—107). Употребление сочетания «мастера всякие» как заголовка для перечня разных ремесленников подтверждает изложенное немногим выше понимание «всякие» в этом выра-

⁶ Gardiner A. An Unique Funerary Liturgy.— JEA. 1955, vol. 41, с. 17.

жении. Среди ремесленников в данном месте рукописи, судя по остаткам разрушенных слов и по продолжению⁷, не числились как будто бы камнеделы, если не считать таковым резчика печаток. Не было таковых и среди работников на наброске. Тем не менее и те и другие обозначены были как *хъмвт*. Выходит, что, раз уж это слово стало значить сверх «мастера-камнедела» также «мастера вообще», им сделалось возможным обозначать разных ремесленников, даже не имевших в числе своем камнеделов. Мало того, им можно было обозначить при случае представителей какой-нибудь отдельной отрасли ремесла, ничего общего не имевших с каменным делом. Быть может, это нельзя утверждать о двух лощильщиках, лощащих каменными лощилами ложе с надписью вверху: «Лощение кровати мастерами» (гробница *Ибий*, RTDG I:XIV), поскольку такими же камнями лощили каменные предметы. Но и над судостроителями, строящими большое деревянное судно, написано: «Судостроение мастеров дома собственного» (гробница *Джсв*, RTDG II:X).

Самый широкий смысл искусства, ремесла, мастерства вообще, в том числе даже непроизводственного, влагали в родственное, если только не тождественное слово *хъм(в)т* «мастерство». Производственное «мастерство», хотя и совсем не камнедельческое, слово *хъм(в)т*, по-видимому, обозначает в приписке к изображению пекаря, накаливающего изложницы для хлеба: «Разжигание изложниц тем, кто с (досл. под) мастерством (*хър(й) хъм(в)т*, т. е. искусствником?)» (гробница *Хътп-хър'хт(й)*, DAR:X). Может статься, что мирообразующее «мастерство» подразумевается под *хъмвт* в имени одного из приближенных частного лица: *Н(й)-хъм(в)т-пtxъ* «Тот, кто от мастерства,— Птах» (*Дд-хъкнв*, CE:XCIV=RIEMRCB:36). Но *хъм(в)т* употребляли еще более отвлеченно: говорили о «мастерстве заклинателя (досл. того, кто со (свитком с обрядовым) чином, *хърп-хъбт*)» (MM:CXXX; RTDG I:XIII; UAR:187, 190, 202; G VIII:против 116=UAR:186; MK:V). Общее значение «быть искусственным, мастерским» имел также глагол *хъмв*. Царь писал своему верховному сановнику: «Величество (мое) знает, (что) мастёре ты распорядителя работ всякого» (UAR:63).

Подобное расширение первоначального значения имело, по-видимому, место и у слова, обозначавшего «сверло». В упомянутой рукописи строка 82 гласит: «Сверлильщик, сверло в руке его» (JEA XLI:V). Первое слово *нхъпти* имело определителями знаки сверла и мужчины и было, наверное, сродни среднеегипетскому *нхъп* «гончарный круг»⁸ и позднеегипетскому *нхъп* «делать на гончарном круге»⁹; поэтому перевод «сверлильщик», вероятно, недалек от истины. Слово, переведенное как «сверло», написано знаком сверла с выписанным женским

⁷ Там же, с. 15—16.

⁸ Там же, с. 14; Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 2, с. 294.

⁹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 2, с. 295.

окончанием т и черточкой, вообще указывающей, что знак передает слово, которое изображает. В строке 96 той же рукописи и в пропавшей 97-й стояло: «Мастера всякие, орудие [их в руке их]» (JEA XLI:V). Так как это служило заголовком к последующему перечню разных ремесленников (см. выше), то слово, написанное точно так же, как «сверло» в строке 82, не может значить здесь «сверло», но должно значить «орудие» вообще¹⁰. Жаль только, что нельзя быть совсем уверенным, что это слово «сверло/орудие» действительно читалось *хъм(в)т*, как того требовало бы обычное значение знака¹¹. Староегипетское слово для сверла, которым сверлили каменную посуду и которое изображал занимающий нас знак, было *снхът* (гробница Чий, GAR:XXXV=GT: CXXXIV).

Вернемся к слову *хъмвт* «мастера». Выходит, что у него было два значения: одно — более узкое, другое — более широкое: «мастера-камнеделы» и «мастера-ремесленники вообще». Второе значение хорошо всем известно из справочных пособий, но и первое придавалось иногда нашему слову при переводе¹². Неправдоподобно, чтобы первоначальным и отправным было более отвлеченное значение, а более узкое и определенное — производным. Ведь и пишется-то само слово в обоих употреблениях знаком сверла для каменной посуды, т. е. знаком, отвечающим более узкому словоупотреблению. Но почему тогда расширено было значение именно этого слова, почему именно обозначение камнеделов, а не каких-нибудь других ремесленников стало обозначением для мастеров вообще?

Пережитки каменного века были очень сильны не только в Раннем, но и в Старом царстве. От того и от другого дошло очень много каменных орудий. Изготовление их представляло собою существенную отрасль производства. Однако нет оснований полагать, что изготовители каменных орудий назывались *хъмвт*, и, во всяком случае, сверло, изображенiem которого это слово писали, не употреблялось для производства кремневых орудий. Старое царство бесконечно много строило из камня; то было время пирамид и целых мертвых городов, составленных из каменных вельможеских гробниц. Как мы видели, «мастера-камнеделы» участвовали в этом строительстве. Их было очень много, они были очень нужны, необыкновенно искусны и у всех на виду. Не затем ли и слово, обозначавшее их, сделалось обозначением для мастеров вообще? Заметим, что и сверлом пользовались строившие из камня. Однако невозможно доказать, что слово *хъмвт* не получило своего более широкого значения еще в Раннем царстве, прежде великого каменного строительства. Правда, нельзя также показать, что оно это значение тогда уже имело, но, может быть, лишь

¹⁰ Gardiner A. An Unique Funerary Liturgy, c. 14.

¹¹ Там же.

¹² Reisner G. A. Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Giza. Cambridge, Mass., 1931, c. 279.

потому, что наше слово в раннеегипетских надписях, очень коротеньких и касающихся преимущественно продовольствия, вообще не встречается. Древнейший известный мне пример употребления слова *хъмт* не старше рубежа III и IV царских домов. Это — должность «предводитель мастеров», напоминающая позднейшее «предводитель мастеров всяких»¹³, но без заключительного определения и потому, возможно, имевшая в виду не «всяких» мастеров, а лишь одних камнеделов (*X^ε-б'в-зкр Xъчс*, SM:I=DARMK:X=45). Не отсутствует определение «всякие», ее можно было бы хорошо истолковать в смысле предводительства разными мастерами, потому что сановник был разносторонним производственником, занимал еще должность «предводителя столяров» (SM:I, II=DARMK:X=45, 47), а может быть, и некоторые другие производственные должности. Также «предводитель мастеров» значит скорее всего лишь «предводитель камнеделов», и само употребление тут же рядом звания «предводитель столяров» оборачивается в пользу толкования сочетания «предводитель мастеров» в смысле «предводитель определенного рода мастеров», отличных от «столяров». Вдобавок оба звания входят в состав целой цепи подобных званий, начинающихся словом «предводитель» и следующих одно за другим: «предводитель (плясунов) *рwt* Верховья (и) Низовья, предводитель (неких женщин) *с'т*, предводитель (ткачих???) *с'bt*, предводитель столяр(ов), предводитель мастеров», «предводитель *рwt* Верховья (и) Низовья, предводитель столяр(ов), предводитель *с'т*, предводитель *с'bt*, предводитель мастеров» (SM:I=DARMK:X=45). Оба раза «предводитель мастеров» звучит не как обобщение предшествующего, а как одно из ряда званий, равных по широте значения.

Прочие известные мне случаи употребления *хъмт* при IV царском доме не выходят за границы узкого смысла слова «мастера-камнеделы»: «мастера нагорья» в пометках на камнях поминальных сооружений царя *Мн-к'в-р^ε* (M:чертеж XII; без определения «нагорья» — чертеж XI, № XXVI), «великие (среди) предводителей мастеров», руководители строительных кладбищенных и каменоломных работ в надписи *Дбх.н.(й)* (UAR:18, 20=DAeAe II:XXXVII b). Однако расширенное значение — «мастера вообще» — можно считать засвидетельствованным уже для начала V царского дома надписями *Птхъшсс*, именно его званием «предводитель мастеров всяких» (MAE:130=HTESBM:XIII, но в последнем издании опущено «всяких») и хвалебным обозначением «делающий сладостными (т. е. приятными) мастеров всяких у царя» (UAR:53==HTESBM:XI=MAE:113). Если бы можно было быть уверенными, что прав Я. Черны¹⁴ и содержание рукописи «Рамессеум Е» восходит к Раннему царству, расширенное значение *хъмт* — «мастера вообще» — было бы засвидетельствовано для

¹³ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 3, c. 85.

¹⁴ См.: Gardiner A. An Unique Funerary Liturgy, c. 9—17.

времени раньше великого каменного строительства. В погребальном чине, изложенном в рукописи, участвуют «дети царевы» (JEA XLI:V), присутствие их предполагалось, очевидно, как обязательное при погребении тех, на кого был рассчитан чин. Естественно предположить, что покойником был царь. Гробница же, при которой спрятывается чин, не пирамида, а прямоугольное надгробие в виде «завалинки», арабской мастабы. Такие надгробия вышли из употребления для царей в начале III царского дома и были заменены пирамидами, так что чин должен быть старше начала великого каменного строительства. Однако при желании можно возразить, что «дети царевы» могли быть лишь по имени позаимствованы из царского погребального чина, что чин был вельможеский и роль «детей царевых» играли совсем не царственные лица и что, наконец, прямоугольное надгробие — в виде громадного ящика — было вместо пирамиды и у *Шпсс-к'.ф*, одного из последних царей IV дома. Но если бы рукопись и не была по своему содержанию настолько старой, чтобы свидетельствовать об употребительности слова *хъмвт* в смысле «мастера вообще» еще до пирамид и каменных вельможеских гробниц, то наши данные слишком случайны и скучны, чтобы можно было заранее отрицать возможность такого словоупотребления в Раннем царстве. Далее, хотя мы и знаем, что сверла употреблялись, и одно время даже, по-видимому, очень широко, при каменном строительстве, нельзя быть уверенным, что в большинстве случаев они походили на то орудие, которое изображал знак для слов корня *хъм*. Когда на стенах гробниц бывают изображены каменотесы — при VI царском доме в гробницах верховых князей, то они всегда орудуют молотами и резцами (гробница *Ибий*, RTDG I:XVI; гробница *Пий сих Хъний*, RTM V:XXI); сверла не были их отличительным признаком. Напротив, где на гробничных стенах бывают показаны изготовители каменной посуды, в числе их всегда имеются люди, сверлящие сосуды сверлами, одинаково при V и VI царских домах: в гробницах *Нб-м'-хт(й)* (DAeAe II:XIII), *Чий* (GAR:XXXV), *Мрр-в(й)-к' Мрай* (MM:XXX), *сих-м-с-хър* (GAR:XXXIV = RTS: XXXIII), *Пий-сих Хъний* (RTM V:XVII = XVI), *Ибий* (RTDG I:XIII). При этом появляющиеся иногда — у *Чий* и у *Пий-сих Хъний* — вместе с камнеделами-посудниками камнеделы-ваятели, хотя и обозначаются, как и те, словом *хъмвт(й)* «мастер», однако обрабатывают изваяния не сверлами, а молотами. Ясно, что сверло было отличительным орудием не кого иного, как изготовителей каменной посуды. Их звали *хъмвт*, *хъмвтй*, эти слова писали знаком, изображавшим сверло. Более чем вероятно, что первоначально *хъмвт* были изготовителями каменной посуды. Общеизвестно, как распространена была каменная посуда в Раннем и Старом царствах. Бесчисленные вещественные находки, изображения в староегипетских гробницах, росписи «сокровищам» доказывают то как нельзя более наглядно.

Притом, как давно доказано вещественными находками, в Раннем царстве производство каменной посуды достигло изумительного развития как в количественном, так и в качественном отношении. *Было б только в порядке вещей, если б уж тогда слово, обозначавшее изготовителей каменных сосудов, стало обозначать искусствников-камнеделов в целом и, наконец, мастеров вообще.*

§ 28. Общее обозначение для мастерской

Разные ремесленники — кузнецы, столяры, плотники, каменотесы, мастера каменной посуды, мастера по обработке самоцветов, сборщики ожерелий и ваятели — работали вместе в одном заведении, названном *йз хъмвwt* «палата мастеров» (RTDG I:XIII—XVI). Слово *йз*, которое мы пока условно переводим как «палата», употреблялось также для обозначения отдельных мастерских, занятых одним каким-нибудь видом производства: в кожевенной мастерской вельможи работает «распорядитель палаты», и то же слово «палата» содержится в полуразрушенной надписи над другим работником мастерской (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Такое же словоупотребление налицо в надписи G VIII:174, если читать «распорядитель палаты рубильщиков дома царева». Однако, поскольку сочетание «палата рубильщиков» нигде больше не встречается, а «распорядитель рубильщиков» вполне употребительно (см. ниже), лучше читать: «распорядитель плотников палаты (т. е. мастерской) дома царева»; второму чтению благоприятствует и расположение знаков. Конечно, «палата дома царева» необязательно только плотническая мастерская, она могла вмещать в себя кроме плотников еще других мастеров, но, так или иначе, она, наверное, производственное заведение. Производственным заведением, именно продовольственной мастерской, будет, несомненно, и «палата пищи» (*йз джф'*), упоминающаяся еще первое время на хозяйственных печатях начинающегося Старого царства. Так как она упоминается на них в связи с именем царя Джср, виноградниками, «Стенами белыми», т. е. будущим Мэнфе, и местностью *Джр(?)*, то имеются в виду, очевидно, заготовочные мастерские при царских виноградниках, расположенных в названных местах (MBK:IX, 5 a, b). Поскольку печати были оттиснуты на глиняных закупорках сосудов по помещении в них заготовленных впрок припасов, «палата пищи», опечатавшая их, была явно самим производством, а не просто складом.

Менее ясно значение слова «палата» в звании «распорядительница палаты дома царева» (G VIII:175). По тому, что носительница этого звания была матерью «рубильщика дома царева», можно было бы умозаключить, что ее «палата» тоже имела какое-то отношение к плотничеству, однако о женщинах-плотниках в Старом царстве ничего не слышно, и совсем не-

правдоподобно, чтобы плотническая мастерская или многоремесленная мастерская, включавшая в себя плотников, состояла под женским руководством. Гораздо проще предположить, что эта особа заведовала придворной «палатой», имевшей отношение к уборам и нарядам. Возможно, что соответствующую мужскую должность называла надпись EG II:82. Умерший был «распорядителем палаты» — — — и носил сплошь придворные звания, из которых некоторые имели прямое отношение к царскому убранству. Он был «тем, кто в переднем покое (*ймъ хнт*)», «предводителем дворца», «слугою божьим *Нхбт*» и «слугою божьим *В'джт*», т. е. жрецом обеих царских богинь, «приставником переда», «предводителем творцов волос» (EG II:82, 85). Но у нас есть и прямое свидетельство о существовании при дворе «палаты», занимавшейся царским убранством, именно «палаты волос», мы бы сказали — придворной парикмахерской. При этом во главе ее оказывается тоже женщина: «Краса царева, та, что при вещи царевой, предводительница шатра (т. е. столовой), распорядительница палаты волос *Мрт-йт.с*» (DAR:XXIV=RME:IV;ср. G V:184). Сходную «палату» по части принадлежностей царского наряда мы имеем, наверно, в «палате (палицы) 'mc». Один из занимавших должность «распорядителя палаты 'mc» был, по-видимому, только придворным: «[распоряд]ителем завтрака царя в местах его всех», «тайником дома утра», т. е. посвященным в тайны помещения, где утром убирался и облачался царь, «энхабцем главным», т. е. опять-таки лицом, причастным к облачению царя, ведал царским полотном (?) и был «распорядителем ожерелья (ожерельей?) царя» (МАЕ:185). Последняя должность названа непосредственно перед нас занимающей. Другой заведующий «палатою (палицы) 'mc» был верховым сановником, и она упомянута в его титле сразу после «дома оружия», на наш лад арсенала, притом так, что оба, если точно издание, объединены под одним общим для обоих управляющих словом, хотя в предыдущих званиях «распорядитель» повторено каждый раз снова: «Распорядитель работ всех царя, распорядитель писц(ов) грамоты царевой, распорядитель дома оружия (и) палаты (палицы) 'mc К'й» (МАЕ:228). В объединении «дома оружия» с палатою 'mc нет ничего удивительного, потому что палица 'mc могла употребляться и как оружие. Наконец, употребление двойственного числа — «обе палаты» — как сокращения для «обе палаты (чего-либо) царева», о чем будет сейчас сказано ниже, тоже благоприятствует пониманию просто «палаты», без определения, как обозначения некоего придворного учреждения по части царского убранства.

Если уже выражение «палата (палицы) 'mc» способно заронить сомнение в том, что слово *йз* в подобных сочетаниях надо всегда понимать как «мастерская», то в обельных грамотах VI царского дома так толковать *йз* совсем невозможно. «(Что) до распорядителя Верховья, что сотворит наряд (на)

них (т. е. служащих и работников храма) в палату наряд(ов) (?)¹⁵ царев(ых), дома надзирателя обращения (т. е. продовольственных выдач), дома книг (т. е. ведомостей) и того, что под печатью (т. е. грамот), чтобы поместить их на работу всякую дома царева, (то) впадающий в слово (т. е. дело) мятежа это. (Что) до (областного) главы всякого, великого (из) десяти Верховых всякого, распорядителя перед Верховых всякого, распорядителя поручени(й) всякого, того, кто при вещи царевой всякого, распорядителя джб' всякого, распорядителя царевых (людей) всякого, что изымет (их по) наряду, доставленному в палату грамот царев(ых), дома надзирателя обращения (продовольствия), дома книг (и) того, что под печатью, чтобы поместить их на работу всякую дома царя, (то) впадающий в слово (т. е. дело) мятежа это» (UAR:281=KDAR:против 88; то же UAR:284—285=KDAR:против 120, но с повреждениями, перестановкою «того, что под печатью, дома книг», множественным числом «распорядители перед верховых всякие», выписанными словами «их по» и заменою оба раза угрожающих заключений словами: «(то) ненавидимый царем [э]то [право, право]»; подчеркнутое выписано в надписях только раз). «(Что) до расп[орядителя] [Верховья всякого], (областного) гла[вы всякого, великого] (из) десяти Верховых [всакого], расп[орядителя перед Верховых всякого], расп[орядителя поручений всякого, того, кто при вещи] царевой [всакого], расп[орядителя джб' всякого], расп[орядителя (царевых (людей)) всякого], что сотворит наряд (на) них, — — — [выход всякий], направление всякое, [ра]бота всякая — — — на другой выход, на другое направление в палате [чего-то], в палате наряд(ов) (?) царев(ых), в палате того, что под печатью, в палате дома надзирателя [обращения (продовольствия)], в палате [дома книг], чтобы поместить [и]х (?) н[а?] [работу всякую дома царя, (то) ненавидимый царем это право, право]» (UAR:290—291=KDAR:против 120; подчеркнутое выписано в надписи только раз). Ясно, что это «палаты» приказного назначения и какая-нибудь «палата грамот царевых» никак не была производственным заведением. Но может быть, из-мастерская и из-учреждение два уже совсем обособившихся значения, производные от некоего первоначального содержания слова? Оказывается, нет.

В староегипетских надписях, особенно в титлах верховных сановников, довольно часто попадается слово из в двойственном числе — извий «обе палаты», изредка без определения, обыкновенно же с ним. Двойственное число говорит об общего-

¹⁵ См.: Goedicke H. Königliche Dokumente aus dem Alten Reiche. Wiesbaden, 1967 (Ägyptologische Abhandlungen. Bd. 14), c. 100.

сударственном значении двойных «палат», так как отвечает двойственному составу царства — из Верхнего и Нижнего Египта. Мне известны следующие учреждения такого наименования: 1) «обе палаты убора царева» (например, DARMK:XIX=79; MAE:228, 230; EG I:XI 2=15; EG III:XL=133, 135; ASAE XL:LXXXI; MG II:II=16 91, XXXIV=18 146; MM:LXII; RTS:XI; SM:IV, V, VI 1; MFPII III:61, два раза, 64; AIKMB:120); 2) «обе палаты того, что под печатью» (DAeAe II:LXIV b; SM:IV, VI 1, VIII; RTS:XI); 3) «обе палаты чади (*mrt*)» (DAeAe II:LXIV b; SM:IV; MAE:230); 4) «обе палаты дома надзирателя обращения (продовольствия)» (DAeAe II:XLVIII=AIKMB:14; MAE:230). С «палатою того, что под печатью» и «палатою дома надзирателя обращения» в единственном числе мы уже столкнулись в обельных грамотах, в постановлениях, толкующих об этих палатах отнюдь не как о производственных заведениях. Видеть такое заведение «в двух палатах чади» у нас нет причины, тем более что в титлах сановников звание «распорядитель обеих палат чади» охотно прымкает к званию «распорядитель обеих палат того, что под печатью», а один раз даже написано так, что общие для обоих слова вынесены вперед в виде общего «заголовка» к остальным словам (DAeAe II:LXIV b):

«распорядитель обеих палат

{
того, что под печатью
}

чади».

Что «обе палаты дома надзирателя обращения» имели прямое касательство к распределению вещественных благ, несомненно¹⁶, но, что эти блага находились и тем более изготавливались в самих «палатах», ниоткуда не видно. Иное дело — «обе палаты убора царева». В них доподлинно имелись вещественные блага, и в количествах, достаточных для раздачи знати на заупокойные нужды: «Будет дано ему (т. е. умершему) возглашение (т. е. поминальная жертва) из обоих домов белых, обеих житниц, обеих палат убора царева, из дома доставляемого (?—*cxnt*) — тому, кто в чести *Xəzzī*» (DARMK:XIX=79). Тем, что шло для поминальной службы из «обеих палат убора царева», могло быть растительное масло. «Умашение» (*mrxxt*) входило в состав «убора царева», как то видно по должностям: «распорядитель умашения убора царева» (DARMK:94; MAE:300=IHCЕ II:LXXVIII), «приставленник умашения убора царева дома большого (т. е. дворца)» (MAE:299, 301; с пропуском «приставленник» — MAE:301=AIKMB:21). И это было так на самом деле, потому что в других подобных перечнях благ, отпускаемых царским «местожительством» на заупокойные нужды, именно умашение выводится из «обеих палат»: «Будет дано ему возглашение (т. е. поминальная жертва): ячмень (и)

¹⁶ См.: Gardiner A. H. The Mansion of Life and the Master of the King's Largess.— JEA. 1938, vol. 24, c. 85—88.

пшеница-двузернянка из житниц, одежда из обоих домов белых, умашение из обеих палат, вещь(и) сладкие из дома (плодов дерева) *йшд*» (МАЕ:279); «Будет дано ему возглашение из Местожительства: ячмень (и) пшеница-двузернянка из обеих житниц, одежда из обоих домов белых, умашение из обеих палат, (зерновидный плод) *вхъс* из дома входящего (?—*кѣт*), вещь всякая сладкая из дома *йшд*» (UAR:177—178). Что эти надписи пишут «обе палаты» вместо «обе палаты убора царева» — в порядке вещей. «Обе палаты убора царева» упоминаются на памятниках Старого царства много чаще, чем все прочие двойные «палаты», вместе взятые. Это были «обе палаты» по преимуществу, и сокращение «обе палаты» вместо полного «обе палаты убора царева» прослеживается совершенно отчетливо на должностных званиях. Титло «повелитель (и) князь, привратный судья (т. е. главный судья), правитель (т. е. верховный сановник), распорядитель писц(ов) грамот царев(ых), распорядитель обеих палат убора царева *Птхъ-хѣтп*» стоит рядом с титлом «привратный судья, муж, распорядитель писц(ов) грамот царев(ых), распорядитель обеих палат *Птхъ-хѣтп*» (SM:IV). Встречается даже звание «распорядитель убора царева в обеих палатах» (МАЕ:228), притом бессспорно вместо общепринятого «распорядитель обеих палат убора царева», так как стоит в титле верховного сановника, то звание часто его носившего, и стоит точно в том окружении, в каком то звание, бывало, употреблялось,— между званиями «распорядитель обоих домов белых» и «распорядитель обоих домов золота» (EG III:XL=133; с теми же двумя званиями, но не в том порядке и вперемежку с другими должностными обозначениями — в титле верховного сановника MG II:XLI+20 219). То, что во всех трех росписях учреждений, отпускающих блага и поминки, «обе палаты убора царева», или, что то же, «обе палаты», соседят с хранилищами разных вещественных ценностей — «обеими домами белыми» и «обеими житницами», позволяет считать и «обе палаты убора царева» не более как местом хранения потребного для царского убранства. И я не могу привести ни одного места, где они были бы прямо названы в связи с какой-нибудь производственной их деятельностью, в качестве хотя бы отчасти производственного заведения. Тем не менее косвенно кое-что намекает на то, что они все-таки, быть может, производили. Несколько строками выше было приведено звание «распорядитель убора царева в обеих палатах» и было сказано, что оно только замена обычного «распорядитель обеих палат убора царева». В титле другого верховного сановника имеем: «распорядитель обеих чистых (мастерских); распорядитель убора царева (и?) обоих домов золота» (DAeAe II:CIII c). «Распорядитель убора царева», несомненно, заменяет более полное «распорядитель обеих палат убора царева», встречающееся в близком соседстве со званиями «распорядитель обеих чистых (мастерских)» и «распорядитель обоих домов золота»,

как в титле верховных сановников (EG I:XI; MG II:XVI=19 154, XXXIV=18 146, XLI+20 219; MAE:228), так и в титле «распорядителей обоих домов белых», т. е. сокровищницы (EG III:125, XL=133). Один большой вельможа состоял «распорядителем обеих палат убора царева» (EG I:XI 2+15) и одновременно величался «распорядителем убора царева всякого» (EG I:XXXV 3+34) и «распорядителем убора царева в обоих домах» (EG I:XIX=2 16). Выходит, что в званиях «распорядителей» краткое «убор царев» значило, по меньшей мере иногда, то же или почти то же, что и более подробное «обе палаты убора царева». Если же это так, то нельзя с уверенностью отрицать, что некоторые ремесленные звания по части изготовления «убора царева» могли иметь в виду «обе палаты убора царева», которые иногда были бы учреждениями, также и производящими отчасти этот «убор». Звания эти следующие: «распорядитель кузнецов золота убора царева» (MAE:116), «сборщик ожерелий убора царева» (DAeAe II:LX), «распорядитель ваятелей убора царева» (MAE:135, 350), «распорядитель мастеров убора царева» (DARMK:27=MAE:101). «Мастера убора царева» были, возможно, камнеделами (см. § 27), изготавливавшими каменную посуду для умашений. Заслуживает тоже внимания частое совмещение одним и тем же лицом явно производственных должностей с должностями по «убору цареву». О том, что «распорядители» «убора царева» или «обеих палат убора царева» бывали также «распорядителями обеих чистых (мастерских)» (см. ниже), было уже сказано. Теперь же можно добавить, что не одни «распорядители», но и другие должности одинакового наименования занимали одни и те же люди по обоим установлениям — «убору цареву» и «чистым (мастерским)». Так, «распорядитель писцов чистых (мастерских)» был и «распорядителем обеих палат убора царева» («распорядителем писцов» он был еще и «обоих домов золота», и «обоих домов белых», AIKMB:120). На двух жертвенниках одного и того же лица находим сочетание «писец убора царева, писец чистой (мастерской)», хотя у умершего были и другие писцовые звания, с которыми он мог бы перемежать те два (DARMK:8, 24). Некий крупный мастер — «кузнец... в обоих домах, одаренный царев» был также «распорядителем — — — убора царева» (MAE:297). Отец этого мастера был «кузнецом дома большого (т. е. дворца), любезным, предводителем одаренных царевых, распорядителем убора царева всякого тайного дома большого, распорядителем чистой (мастерской), распорядителем обоих домов золота.., распорядителем двора золота (т. е. златокузнецов)» (UAR:191=MAE:296). Однако невозможно быть уверенным в том, что «обе палаты убора царева» на самом деле что-то производили сами. «Убор царев» могли производить другие установления, и связь между ними и «обеими палатами», а также совмещение одними и теми же лицами производственных долж-

ностей и должностей «палатных», могли проистекать из единства предмета попечения, «убора царева», производимого в одном случае и блюдомого в другом. Возможно, такое объяснение даже надо предпочесть, так как при нем четко разграничивается, а не смешивается деятельность «чистых» мастерских и «обеих палат убора царева». Нельзя также не учесть, что «обе палаты убора царева» называются одним духом и в одном ряду с другими «обеими палатами», в том числе такими, которые никак не сочтешь за производственные заведения: «распорядитель обеих палат убора царева, распорядитель обеих палат того, что под печатью, распорядитель обеих палат чади (мрт)» (в титле верховного сановника, SM:IV). Создается впечатление, что все это в какой-то мере однородные установления.

Итак, слово *из*, хотя иногда и обозначало производственные помещения, по своему значению много шире, чем «мастерская», и перевод «палата» представляется поэтому более уместным. «Палатою» может быть как учреждение, так и на худой конец производственное заведение. За нее могла бы сойти и гробница, если считать слово *из*, обозначавшее ее или поминальное помещение в ней (см. § 1), за то же слово, что и только что нами изучавшееся. Может статья, что связующим звеном между *из*-мастерской и *из*-учреждением было то, что оба в какой-то степени служили складами. Для учреждений — «обеих палат убора царева» это было показано выше, для мастерской, именно пищевой мастерской, показано в § 26.

§ 29. Изображения многоремесленных мастерских и «чистая» мастерская

Переведенное выше (в начале § 28) общее надписание изображения многоремесленной мастерской не оставляет места сомнению в том, что все изображенные тут ремесленники работают в одном заведении — «палате мастеров». Напомню еще раз, кто эти работники: кузнецы, камнерезы по части самоцветов, изготовители каменной посуды, камнесечцы, сборщики ожерелий, ваятели, столяры и плотники (RTDG I:XIII—XVI). Очень возможно, что сходным образом, с приурочением к той же «палате мастеров», было надписано изображение в соседней княжеской гробнице, потому что, насколько позволяют судить остатки самого общего надписания, а также отдельные изображения и надписи, изображенное здесь было в целом лишь вольной переделкою того, что имелось в более ранней гробнице (см. § 28). На втором, более позднем изображении видны и поныне кузнецы, ваятели, столяры и плотники; на изготовителей каменной посуды и сборщиков ожерелий намекают столы с изделиями этих ремесел — сосудами и ожерельями, но изображения самих работников если были, то пропали в со-

седних пробелах. Камнерезы и камнесечцы, возможно, были пропущены. В еще одной гробнице, тоже княжеской, но в другой, хотя и среднеегипетской области имеются надписания, касающиеся всех изображенных вместе ремесленников. Здесь князь глядит, как камнеделы сверлят каменную посуду и лощат изваяние, кузнецы плавят и куют руду, а сборщики ожерелей изготавливают украшения. Надпись перед вельможею слишком общего содержания, чтобы из нее можно было с определенностью заключить, что ремесленники трудились в одном месте и в одном заведении: «Смотрение (на) работу всякую мастеров» (RTM V:XVI). Однако небольшое надписанное изображение позади князя — «Доставка (съедобных) вещ(ей) мастерам» — подразумевает как будто если не единство заведения, то единство места. Ноша каждого из трех доставщиков дополняет ношу другого: первый несет горшок, две сумы и хлеб, второй — большой винный (?) сосуд, третий — мясо. Поэтому вряд ли хотели изобразить шествие, расходящееся по разным направлениям к далеко отстоящим друг от друга мастерским, тем более что и доставленные припасы изображены сложенными вместе (RTM V:XVI). Но в этой гробнице оба надписания имеют в виду одних камнеделов, кузнецов и сборщиков украшений; столяры/плотники, ваятели и живописцы изображены особо, на другой, хотя и соседней стене помещения, тоже на виду у князя, но только уже не стоящего, а сидящего (RTM V:XVIII—XIX). На третьей стене и, наверное, в связи с сидячим изображением вельможи над соседнею с нею дверью показаны — опять-таки особо — сапожники вместе с работниками, занятыми за станками, похожими на ткацкие (RTM V:XV 3—4, см. § 30). Оставив пока в стороне вопрос о работниках-станочниках, которые больше нигде, насколько знаю, не встречаются на староегипетских изображениях, обратим свое внимание на явное изобразительное обособление здесь камнеделов, кузнецов и сборщиков украшений с одной стороны от столяров/плотников, ваятелей и живописцев с другой и сапожников с третьей. На обоих прежде рассмотренных изображениях первые три вида ремесленников были объединены со столярами, плотниками и ваятелями, притом в первом случае определенно в одной «палате мастеров»; сапожников, правда, на тех двух изображениях не было. В других гробницах мы тоже найдем большие изображения, на которых разные ремесленники будут показаны работающими, скорее всего, вместе, однако без таких общих надписаний, которые подтверждали бы, что и тут видимость соответствует действительности. Глядя же на то, как распределены мастера по трем самостоятельным изображениям в третьем из рассмотренных нами случаев, мы при желании будем вправе усомниться в том, что показ работников вместе на изображении обязательно предполагает их совместную работу в действительности. При этом надо заметить, что состав изображений не совсем устойчив.

Отчасти мы это уже могли наблюдать на первых двух изображениях. И так же обстоит дело даже на наиболее близких к ним изображениях в других гробницах: 1) кузнецы, изготовители каменной посуды, ваятели, столяры, скорняки/сапожники, изготовители палок (остальные части изображения разрушены, GAR: XXXV=GT:CXXXIII); 2) кузнецы, сборщики ожерелий, ваятели, столяры/плотники (гробница *Вн-м-нфрт*, EG II:против 190); 3) кузнецы, изготовители каменной посуды (только остатки изображений), живописцы с ваятелями?], столяры/плотники, кожевенники, маслоделы (гробница *Ий-мрый*, DAeAe II:XLIX); 4) кузнецы, изготовители каменной посуды, сборщики ожерелий, ваятели, столяры, маслоделы (гробница *Нб-м'-хт(й)*, DAeAe II:XIII); 5) кузнецы, изготовители каменной посуды, сборщики ожерелий, ваятели и живописцы, кожевенники (гробница *нх-м-с-хср*, GAR:XXXIV=RTS:XXXIII); 6) кузнецы, сборщики ожерелий, ваятель, живописцы, плотники, столяры (?), кожевенники (прочие части изображения разрушены; гробница *Интй*, D:XIII); 7) столяры/плотники, изготовители палок, кожевенники (гробница *Тти Шдв*, D:XXI).

Однажды большое изображение ремесел оказывается перерезанным надвое поясом изображений мужчин, влекущих на нескольких санках несколько божниц с изваяниями вельможи. Внизу видны еще кузнецы и сборщики ожерелий, вверху — изготовители каменной посуды, ваятели, столяры/плотники, изготовители палок (часть изображений, особенно вверху, пропала; *Мрр-в(й)-к' Мрый*, MM:XXX). Малоправдоподобным может показаться объединение в действительности в одном месте маслоделия с другими ремесленными работами, тем более что оно бывает представлено и совсем в другой связи — в связи с виноградарством и виноделием (D:XVI; сама добыча масла на изображении, должно быть, отсутствовала, но сосуды под пробелом, несомненно, для растительного масла). Если во многих гробницах среди ремесел не изображено кораблестроение, то в других плотники-судостроители представлены вместе с прочими ремесленниками — в гробницах *Ибай* (RTDG I:XV—XVI), *Дж^св* (RDTG II:X), *Интй* (D:XIII, почти разрушено), но бывает и так, что кораблестроение имеется, но показано отнюдь не там, где большинство ремесел, а отдельно (*Чий*, плотники-судостроители — GT:CXIX=GAR:XXXVI). Все это снова предостерегает нас от слишком поспешного переноса единства места с ремесленных изображений в ремесленную действительность. О том же говорит и то обстоятельство, что изредка на одном изображении с обычными в таких случаях ремеслами объединяются хлебопечение, пивоварение и связанные с ними подсобные работы: кузнецы, сборщики ожерелий, ваятели, столяры — плотники, с одной стороны, и хлебопеки, пивовары — с другой (гробница *Вн-м-нфрт*, EG II:y 190); кузнецы (?), сборщики ожерелий и пивовары (*Снджм-йб*, DAeAe II:LXXIVa). В § 26 показано, что хлебопечение и пивоварение были сосредоточены

в особом заведении, ничего общего с обычновенными ремесленными мастерскими не имевшем. То было, конечно, известно художнику, работавшему в гробнице, и потому у него пекари и пивовары никак не смешаны с остальными мастерами, но строго обособлены от них. Им отведены правая половинка каждого из четырех поясов изображений, тем же — левая, и все-таки пекари и пивовары оказываются рядом с другими ремесленниками в каждом из четырех поясов. Последний пример имеет, впрочем, не только отрицательную, но и положительную силу, поскольку показывает, что намеренное обособление или объединение тех или иных ремесел на изображении может выражать положение дел в самой жизни. В этом же смысле очень показательно, что пищевая мастерская — «затвор» — обычно изображается совсем особо от других ремесел и что также особняком появляется на изображениях «дом ткачих». Как будет потом видно, это были и на деле два отчетливо обособленных производства, выделявшиеся из множества остальных.

Получается, что одних изображений совокупленных ремесел еще недостаточно, чтобы утверждать, что всегда и везде в подобных случаях изображена единая «палата мастеров». Странным образом, кроме надписи *Ибий*, она вообще нигде больше не упомянута. Ее не называет ни одно должностное звание Старого царства, и можно подумать, что обозначение «палата мастеров» было всего лишь нарицательным, общепризнанное же и общепринятое обозначение многоремесленной мастерской звучало как-то иначе. Спрашивается как?

В Старом царстве бытовало некое слово *в'бт*, которое можно перевести как «чистая»¹⁷, которое писалось всегда с определителем дома и достоверно обозначало мастерские. Какие то были мастерские — для одного из употреблений этого слова разъяснено в печати¹⁸. Именно «чистою» называлась мастерская, обрабатывавшая трупы для вечности. «Дочь царева *Мр.с-снх*; года раза 1-го (счета скота), месяца 1-го (времени года) Безводья, числа 21-го; умиротворение (т. е. опоччение) двойника ее; отправление ее в чистую (мастерскую). Жена царева *Мр.с-снх*; года после счета 1-го, месяца 2-го (времени года) Выхожденья, числа 18-го; отправление ее в гробницу ее добрую» (гробница *Мр.с-снх*, UAR:156—157). Иными словами, царственная покойница со дня смерти до дня погребения находилась в течение 372 дней в «чистой» мастерской. «И истребовал (я) у владыки (моего, т. е. у царя) достав[ить] ему (т. е. отцу сановника) гроб из (каменоломен) *Р'-в* (против Мэнфе) в гробницу его эту, сотворенную (мною) ему за год (и) 3 месяца, тем временем как он (находился) в чистой (ма-

¹⁷ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 1, c. 284.

¹⁸ Там же; Wilson J. A. Funeral Services of the Egyptian Old Kingdom.—JNES. 1944, vol. 3, № 4, c. 201—218.

стерской положенного) срока (и) в доме собственном своем, который в (городе у пирамиды) „Иссей доброденствует“ (Снджм-йб Йнти, UAR:65=DAeAe II:76). Следовательно, пока спешно сооружалась гробница, умерший пребывал сперва так долго, как надо было для обработки трупа, в «чистой» мастерской, а потом в своем городском доме. «Друг (царев) единственный Йххий сказывает: О уставщик, люди чистой (мастерской), повивальщик (трупов), 80 (?) человек (царского) кладбища, что спуститесь в место это (т. е. склеп)! Любо ли вам, (чтобы) жаловал вас царь, (чтобы) было бытие в чести ваше добрым у бога большого, владыки погребения на (царском) кладбище? (Тогда) положите вы мне дверь эту (т. е. крышку гроба) на мать ее (т. е. гробовой ящик) способом превосходным, какой (знаете вы). Я — Хнт(й)-к', (достойный) любви. (Я) буду (за то стоять) за вами (защитником с того света)» (Хнт(й)-к' Йххий, MKhCI:XXXIX=UAR:205). Вот изображено, как несут гроб в «чистую» мастерскую. Впереди «уставщик», «повивальщик», «плакальщица», затем трое мужчин с гробом. Над носильщиками написано: «Препровождение в чистую (мастерскую) повивальщик(ов) (после того, как) состарился добре весьма». Над мастерскою надпись: «Препровождение в чистую (мастерскую) повивальщик(ов)». Видна лицевая сторона здания: высокая, прямоугольная, без окон; посреди ее дверь внутри великолепного наличника, и перед дверью навес из двух стройных столбах, увенчанных как бы пальмовыми листьями (гробница Пайй-сих, RTM V:XLII; к такому же зданию шествие с гробом направляется там же, RTM V:XLIII). Во всех этих случаях «чистая» мастерская, конечно, то место, где готовились трупы для вечности. Но словарь отличает от *в^сбт* как «места бальзамирования» *в^сбт* как «мастерскую (для украшений и т. п.)» и ставит последнее значение на первом месте. Более того, особенно частые упоминания *в^сбт* в двойственном числе — «обе чистые (мастерские)» — он целиком относит к *в^сбт* — «мастерской (украшений и т. п.)». Другое толкование слова, сохраняя за *в^сбт* значение хозяйственной мастерской, сливает его воедино со значением мастерской по приготовлению трупов и получает единую мастерскую похоронных дел, готовившую одновременно трупы и все, что требовалось для погребения. Египетское *в^сбт* «чистое место» будет здесь передано как «погребальная мастерская» (*morguary workshop*) предпочтительно перед «место бальзамирования». В Древнем царстве то было не только место бальзамирования, но также мастерская, где были заняты погребальные дел мастера разных родов; например, в UAR:38 мастера *в^сбт* ваяют и раскрашивают две ложные двери. В RTS:XXXIII (ср. XLVII) «живописец южной *в^сбт* Мсий» показан раскрашивающим статую. Слово «южная» подчеркивает тот факт, что имелась пара этих мастерских, аналогичных другим учреждениям региональной двойственности. Например, везир *K'-гм.н.(й)* является «надзирателем»

лем двух погребальных мастерских»¹⁹. Таким образом, и «обечистые (мастерские)» объявляются двойственными по назначению: зараз и место обработки трупов, и производство всего потребного для погребения. Которое же толкование правильнее? Ответ на это зависит, понятно, от того, окажется ли «чистая» мастерская местом обработки трупов и в тех случаях, когда такое ее назначение неочевидно на первый взгляд.

Только что встреченное нами полное обозначение заведения по обработке трупов как «чистой (мастерской) повивальщиков» намекает как будто на то, что были еще другие «чистые» мастерские — не «повивальщиков». Мне дважды попалось в надписях такое обозначение: «чистая (мастерская) царева», оба раза в составе звания «тайник чистой (мастерской) царевой» (гробница Чнтий, DАeAe II:XXXVII e; Йн-к(').ф, его сын, G IX:173, «тайник» полуразрушено, но несомненно). Может быть, это и есть мастерская, отличная от мастерской «повивальщиков»? Оказывается, навряд ли. В первом случае титул-гласит: «Тот, кто при вещи царевой, властель (царского) кладбища, тайнник чистой (мастерской) царевой Чнтий». Близость к кладбищу выражена и в другом титле того же лица: «Тот, кто при вещи [царевой — — (?)], расп[р]ядитель] (ведомства) гс-пр (царского) кладбища Чнтий». «Властель (царского) кладбища (хък' хърт-нчр)» принимал непосредственное участие в погребении вельмож, более того, в сообществе с теми же людьми, что и «люди чистой (мастерской)». Сравните с переведенною выше просьбою к совершающим погребение другую такого же рода: «Распорядитель работ всех царя в земле до края (ее) Зэй сказывает: О 80(?) человек, повивальщик, властель (царского) кладбища, должность всякая, что спустяется в место это (т. е. склеп)! Любо ли вам, (чтобы) жалован (vas) царь, (чтобы) возглашали (т. е. приносили поминальную жертву) (для) вас на (царском) кладбище, (чтобы) было бытие ваше в чести добрым у бога большого? (Тогда) положите вы мне дверь (т. е. крышку) эту гроба этого на мать ее (т. е. на гробовой ящик) способом превосходным, какой знаете вы, подобно тому как творите вы (для) блаженного (покойника) гораздо, творившего то, что жалует владыка его. Я — Зэй, (достойный) любви» (гробница *снх-м-с-хър* Зэй, ТРС II:VI A = ТРС I:93). Возможно, что под должностю всякой как разкроются те «люди чистой (мастерской)», что значатся в переводе первой надписи. Итак, «чистая (мастерская) царева», наверное, погребальное заведение.

Вельможи рассказывают порой о производственном заведении, которое они называют «чистой (мастерской)». Это настоящая производственная мастерская, вдобавок определенно крупная, но только что же она производит? Гробницы и части гробниц! «(Что) до гробницы этой, (то) это царь (и) государь»

¹⁹ Wilson J. A. Funeral Services, с. 202, примеч. 5.

Мн-к'в-рс [—жив он вечно!—] (есть) давший (ее) отцу (моему), тем временем как [объ]явилось(?)———— дорога рядом с плоскогорьем, (где стояли пирамиды). (Имело место) смотрение (на) работу сотворявших(?) (пирамиду) „*Мн-к'в-рс* божествен“———— [плотник царев (и)] строитель вместе с [двумя] великими (среди) предводителей мастеров, [вместе с мастерами]. (Имела место) остановка на нем (т. е. плоскогорье?), чтобы посмотреть (на) работу сотворявших (?)————, [при]чем поставлено было 50 людей, чтобы творить работу над [нею] повседневно в[месте с]… чистой (мастерской). Приказало величество его———— [не брать] на урочный (труд) всякий сверх сотворения работы на ней, пока не умиротворится (т. е. закончится?) он(а?)» (*Дбхъ.н.(й)*, UAR:18—19=DAeAe II:XXXVII b). Как ни повреждена надпись, участие «чистой» мастерской в сооружении гробницы по царскому приказу, отданному при посещении строящейся пирамиды, кажется несомненным. «Великий (среди) врач(ей) *H(й)-снх-схмт* сказал величеству его: Пускай прикажет двойник твой этот (т. е. ты), возлюбленный солнца, дать мне (подобие) двери из камня в гробницу (мою) ту (царского) кладбища. И положило величество его доставить ему (подобия) двери два из (каменоломен) *P'-в* (против Мэнфе) из камня. Поместили их внутри хором „Воссиявает Великий (Венец) *C'хъ-в(й)-рс*“. Приставили двух великих (среди) руководителей мастеров (и) мастеров чистой (мастерской) к ним. Творили работу над ними в присутствии царя самого. Появлялась… (положенная часть работы?) повседневно. Смотрели (фараон, что) творили с ними во дворце ежедневно. И положило затем величество его (при?)ставить подручных(?) к(?) ним, (и) расписали их лазоревой (краской)» (*H(й)-снх-схмт*, UAR:38—39).

Менее ясно из первой и совсем ясно из второй из только что приведенных надписей видно, что двое сановников, величавшиеся «великими (среди) предводителей мастеров», как-то начальствовали над мастерами «чистой» мастерской. И эта «чистая» мастерская в обоих случаях производила работы для кладбища, была связана с ним, подобно «чистой мастерской царевой», о которой мы говорили до того. Дошло вельможское титло, по которому «великий (среди) предводителей мастеров» распоряжается не иною какой, как именно царевою «чистой» мастерской: «Великий (среди) предводителей мастеров в обоих домах (т. е. в обеих половинах царства), распорядитель чистой (мастерской) царя *Птхъ-шпсс*» (SSKPMK:194). Круг замыкается, и можно быть почти уверенным, что краткое «распорядитель чистой (мастерской)», без добавления «царевой», когда стоит в титле «великого (среди) предводителей мастеров», имеет в виду то же заведение, что и более полное «распорядитель чистой (мастерской) царевой».

Но «чистую (мастерскую)» упоминают титла еще многих других должностных лиц помимо «великих (среди) предводи-

телей мастеров». Одного ли и того же рода эти «чистые» мастерские с теми, которыми ведали те сановники? Два раза, в случае «чистой (мастерской) царевой», мы могли показать, что такая тождественность более чем вероятна. Теперь можно показать это и для тех званий, которые называют «мастеров чистой (мастерской)». В § 27 показано, что основным значением слова *хъмвт*, обозначавшего «мастеров» вообще, было «камнеделы». Из дальнейшего будет видно, что именно *хъмвт* «камнеделы» или «мастера» по преимуществу чаще всех других ремесленников, вместе взятых, упоминаются в составе «чистых» мастерских, и прежде всего это наблюдается именно в титлах. Там, где возможно проследить, чем руководили «великие (среди) предводителей мастеров» в «чистой» мастерской, этим оказываются работы над сооружениями из камня или каменными же частями (см. выше). Слово «мастера» (*хъмвт*) в титле этих сановников было обозначением не столько мастеров вообще, сколько мастеров по преимуществу, т. е. камнеделов, если верны излагаемые в дальнейшем соображения о смысле этого слова в староегипетских званиях второстепенных ремесленных начальников. Именно таких начальников — «распорядителей мастеров» и «смотрителей мастеров», иными словами, «распорядителей» и «смотрителей», наверное, камнеделов — мы находим в окружении «великих (среди) предводителей мастеров» (см. ниже). И определено камнеделами — «мастерами (*хъмвт*) чистой (мастерской)» руководят два «великих (среди) предводителей мастеров» в одной из приведенных выше надписей. Тем самым мы имеем довольно веские основания для сближения, если не для отождествления «чистой» мастерской, подведомственной этим сановникам, с упоминаемой в титлах других должностных лиц.

Некоторые вельможи, большей частью верховные сановники, величают себя довольно часто «распорядителями обеих чистых (мастерских)». Одно ли и то же «чистая» мастерская и «обе чистые» (мастерские), или это существенно различные установления? Последнее может показаться не столь уж невозможным, если учесть, что «чистою» мастерскою распоряжаются обыкновенно «великие (среди) предводителей мастеров», а «обеими чистыми» мастерскими — чаще всего верховные сановники. «Распорядитель чистой (мастерской)» одновременно «великий (среди) предводителей мастеров»: *Птхъ-шпсс*, МАЕ: 113=HTESBM:XII; другой *Птхъ-шпсс*, МАЕ:130=HTESBM^{n.e.}. XX (одному из этих двух *Птхъ-шпсс* принадлежит²⁰, возможно, изваяние с разночтением звания: «Распорядитель чистой (мастерской) царя», SSKPMK:194); третий *Птхъ-шпсс*, МАЕ:377; SM:XXVIII; *С'бв Иббй*, МАЕ:375. «Распорядитель обеих чистых (мастерских)» одновременно верховный сановник:

²⁰ Borchardt L. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten in Museum von Kairo, Nr. 1—1294. T. I. B., 1911 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Vol. LIII), c. 194.

Снджм-йб Мхъй, DAeAe II:LXXV=MAE:502; *Птхъ-хътп*, DAeAe II:CIII c; *Мрр-в(й)-к' Мрй*, MM:CCXII c, CCXVIIb; *К'-гм.н.(й)*, MG II:XXXIV=18 146; *Нфр-сим-рс*, RTS:XI; *Нфр-сим-сш'т*, MAE:407+409, *Пайи-снх*, RTM IV:IV A; *Хс-б'в-хънм*, MFPII III:LII; *Нфр Йдв*, G VIII:XII=75. Иногда эти звания носили также люди, не состоявшие ни в «великих (среди) предводителей мастеров», ни в верховых сановниках: «распорядитель чистой (мастерской)» — *Pc-вр*, большой придворный, EG I:XI 2=15, ср. XXXVI 6=34; *Смнх-в(й)-птхъ Йтви*, UAR:191=MAE:296, видный умелец; «распорядитель обеих чистых (мастерских)» — *Снх-н-'хт(й)*, EG III:125, и *снх-хъ'.ф*, EG III:133=XL, оба — «распорядители обоих домов белых», т. е. сокровищницы. Но имеются и такие случаи, когда «великий (среди) предводителей мастеров» оказывается «распорядителем обеих чистых (мастерских)» — (*С'бв Чтий*, MAE:390), а верховный сановник — «распорядителем чистой (мастерской)» (*Птхъ-хътп*, SM:VIII, от звания уцелели лишь ступня знака *в'б*, буква т и определитель дома; *Нфр Йдв*, G VIII:90). Особенno примечателен верховный сановник *Нфр Йдв*, так как в своей гробнице он величается то «распорядителем чистой (мастерской)», то «распорядителем обеих чистых (мастерских)». И то была не какая-нибудь случайность, а вполне закономерное явление, так как сходное чередование наблюдается и в случае других званий. Так, один сановник величает себя в гробнице то «распорядителем дома белого» (*Джф'в*, MAE:251—254), то «распорядителем обоих домов белых» (MAE:252), а другой — то «распорядителем дома оружия» (*Снджм-йб Мхъй*, DAeAe II:LXXV=MAE:507), то «распорядителем обоих домов оружия» (DAeAe II:LXXV=MAE:502). Затем можно показать, что «распорядитель чистой (мастерской)» более старое, а «распорядитель обеих чистых (мастерских)» более новое звание. Из перечисленных выше «распорядителей чистой (мастерской)» первый *Птхъ-шпсс* — современник конца IV и начала V царского дома, *Pc-вр* — середины V царского дома, *Смнх-в(й)-птхъ Йтви* — предпоследнего царя того же дома, второй и третий *Птхъ-шпсс* — начала V царского дома; из «распорядителей обеих чистых (мастерских)» *Снджм-йб/Мхъй* жил в конце V царского дома, все остальные — *Птхъ-хътп*, *Мрр-в(й)-к' Мрй*, *К'-гм.н.(й)*, *Нфр-сим-рс*, *Нфр-сим-сш'т*, *Пайи-снх*, *Хс-б'в-хънм*, *Нфр Йдв* — были современниками VI царского дома. Таким образом, все как будто говорит за то, что «обе чистые (мастерские)» только более новое издание «чистой (мастерской)».

Титла должностных лиц и повествовательные надписи в гробницах позволяют установить, какие ремесла были представлены в государственных «чистых» мастерских помимо подготовки трупов для вечного существования, которую осуществляли «повивальщики» (*вт*) и о которой было сказано выше (в начале настоящего параграфа). Больше всего сведений о камнеделах «чистой» мастерской, особенно если причислять к ним

«мастеров» (*хъмвт*) в узком смысле, как то будет предложено сделать в подразделе главы о камнеделах. Выше уже были приведены надписи *Дбхъ.н.(й)* и *Н(й)-снх-схмт*, которые повествуют о сооружении «чистой (мастерскою)» по царскому приказу гробницы и частей гробницы для вельможи. То были определенно камнедельческие работы, и вторая надпись называет исполнителей «мастерами» (*хъмвт*); в первой надписи от обозначения работников остались только определители мужчин, но, надо думать, что К. Зете правильно восстанавливает его как *хъмвт*. «Мастера» — *хъмвт* неоднократно упоминаются в связи с «чистою» мастерскою в званиях должностных лиц: «распорядитель мастеров чистой (мастерской)» (*Птхъ-в'ш*, EG II:VI, 8—12; *Нфр-сим-пtxъ*, MAE:392), «наставник мастеров чистой (мастерской)» (*Птхъ-в'ш*, EG II:10, *Хмтнв*, DARMK:226; *Н(й)-св-всrt*, DARMK:127; *Хътп-йб*, ETSOSMAEUC:VI=UAR:230), «распорядитель десятка мастеров чистой (мастерской)» (*Н(й)-св-всrt*, DARMK:26; *Хътп-йб*, ETSOSMAEUC:VI=UAR:230). В случае двух «распорядителей мастеров» и одного «наставника мастеров» можно показать, что их «чистая» мастерская была, наверное, та же, что и производившая камнедельческие работы на столичном кладбище под руководством двух «великих (среди) предводителей мастеров», согласно надписям *Дбхъ.н.(й)* и *Н(й)-снх-схмт*. Как известно, «великие (среди) предводителей мастеров» были тесно связаны с божествами Мэнфе — Птахом и Сокером, состояли жрецами — «слугами божьими» Птаха и Сокера (*Птхъ-шпcc*, MAE:112=HTESBM^{п.е.}. XI, XIII; другие *Птхъ-шпcc*, MAE:129, 375 (=HTESBM^{п.е.}. XVII), 377, SSKPMK:194; *Pc-нфр*, MAE:123=SSKPMK:20; *З'чв*, DARMK:3=I; *С'бв Йббй*, MAE:375; *С'бв* Черный, MAE:157=SSKPMK:105), а также «распорядителями дома Сокера» (*Птхъ-шпcc*, MAE:113=HTESBM:XI, XIII; другие *Птхъ-шпcc*, MAE:130, 375; SSKPMK:194; *Pc-нфр*, MAE:123=SSKPMK:20; *С'бв Йббй*, MAE:375; *Сн-мн*, DARMK:74). И вот оба «распорядителя мастеров чистой (мастерской)» — *Птхъ-в'ш* и *Нфр-сим-пtxъ* — не только сами носили имена, сложенные с именем Птаха, но и состояли каждый «слугами божьими» Птаха и Сокера. Сын *Птхъ-в'ш* — *Птхъ-шпcc* тоже носил имя в честь Птаха и был «наставником мастеров», надо думать, той же самой «чистой» мастерской, что и отец, будучи ко времени сооружения памятника, как то часто бывало, чином ниже отца по одному с ним ведомству. О существовании в «чистой» мастерской еще других родов работников по камню можно заключить по званию «наставник камнесеч(ев) (*хърт(йв)-нчр*) чистой (мастерской)» (DPMH:51).

Что в «чистой» мастерской обрабатывали руду, видно по должности «распорядителя плавильщик(ов) чистой (мастерской)», которую занимал тоже человек с именем в честь Птаха — *К'(.й)-хр-пtxъ*, так что и тут «чистая» мастерская могла быть все тою же — столичного Мэнфе (SSKPMK:170). О дере-

воообразывающей деятельности «чистой» мастерской свидетельствует звание «распорядитель столяр (ов) (фнх) чистой (мастерской)», которое носил «брать собственный» большого столичного вельможи, «распорядителя город(ов)» при трех пирамидах *Птхъ-хѣтп*, прозывавшегося, как и один из его старших сыновей, в честь Птаха (TP:XLI=GAR:II). Можно предполагать, что и эта «чистая» мастерская была столичной. Что «чистая» мастерская имела своих живописцев, доказывает должность «писца южной (стороны) чистой (мастерской)» (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Так как таковым является живописец, раскрашивающий изваяние верховного сановника, предназначенное, несомненно, для заупокойных нужд, «чистая» мастерская не может быть иною, как столичной. Одновременно заметим, что и тут она опять определено занята обслуживанием погребальных нужд. Правда, в этом случае нельзя быть заранее уверенным, что «чистая» мастерская — царская, а не собственная вельможи, хотя для приготовления для вечности труп другого верховного сановника передавался на время в «чистую (мастерскую)» срока (потребного для его обработки?), так что вряд ли его собственную (гробница *Снджм-йб Инт*, UAR:64—65=DАeAe II:LXXVI c, см. выше). Впрочем, «писцы» бывали в «чистых» мастерских, относительно которых можно быть почти уверенными, что они были государственными. «Писцом чистой (мастерской)» был *Снхт-хѣр(??)-к'(й)*, занимавший целый ряд писцовых должностей, в частности должность «писца убора царева» (DARMK:I=8 (=MAE:438), VI=25); «распорядителем писцов обеих чистых (мастерских)» состоял *Птхъ-шпсс*, перебывавший на своем веку также «распорядителем писцов» в «обеих палатах убора царева», «обоих домах золота» и «обоих домах белых» (по ведомству сокровищницы он дослужился до «распорядителя обоих домов белых», АIKMB:120=ThIAe:1484). Конечно, эти писцы могли и не быть живописцами, особенно второй из них. Однако живописцам необязательно было прозываться «писцами очерка», они прозывались и просто «писцами». Областной князь, говорится, смотрит на «писцов очерка», и еда поставлена для «писцов очерка», но раскрашивает изваяние князя «заклинатель, писец дома книги божьей дома большого (т. е. дворца), тот, кто в чести, *Ихий-м-з'-пай*, имя его доброе (т. е. обиходное) *Ирй*», он же расписывает поставец для утвари, а сосуд расписывает «писец *Зишин*» (гробница *Пай-чнх Хъний*, RTM V:XVIII—XIX). Заметим, что должность первого художника — «писец дома книги божьей дома большого» — напоминает должность *Снхт-хѣр(??)-к'(й)* — «наставник писцов дома книги божьей», а также свидетельствует о существовании дворцовых библиотек со штатом переписчиков.

Получается, что в «чистых» мастерских работали разные ремесленники: камнеделы, каменотесы, кузнецы, столяры, живописцы. Если бы наши источники были менее случайными, мы, наверное, знали бы еще других ремесленников из «чистых» ма-

стерских. Но и так состав их работников сильно напоминает состав ремесленников, изображаемых вместе в гробницах вельмож. Об этих ремесленниках один раз прямо сказано, что они работают в одном заведении — «палате мастеров» (гробница *Йбий*, RTDG I:XIII, см. § 28). Затем они обыкновенно изображаются особо от пивоваров и пекарей, равно как нет в их среде и ткачей. И обособление на изображениях отвечало действительности, потому что ткачество и пивоварение с хлебопечением были выделены в особые заведения — «дом ткачих» и «затвор» (см. § 26, 30). Значит, очень возможно, что ремесла на гробничных изображениях — иные, чем ткачество и пивоварение с хлебопечением,— мыслились не только создателями гробницы *Йбий*, но и обыкновенно составляющими одно заведение. Но что бы это тогда могло быть — тоже «чистая» мастерская или нечто совсем иное?

За исключением «повивальщиков», обрабатывавших трупы, на ремесленных изображениях налицо все ремесла, которые становятся в связь с «чистой» мастерской (см. § 29). Мало того, и обозначения на изображениях те же. Изготовители каменных посуды и изваяний зовутся «мастерами» (*хъмет(и)*) — в гробницах *Чай* (GAR:XXXV=GT:CXXXIII), *‘нх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS II:XXXIII), *Йбий* (RTDG I:XIII), *Пай-‘нх Хъний* (RTM V:XVII=XVI). «Камнесечцы» названы у *Йбий* (RTDG I:XVI), также у *Пай-‘нх Хъний* (RTM V:XXI), но здесь они изображены отдельно от других ремесленников. «Кузнецы» упоминаются у *Йй-мрый* (DAeAe II:XLIX b), *Bn-м-нфрт* (EG II:против 190), *‘нх-м-с-хър* (GAR XXXIV=RTS:XXXIII), *Пай-‘нх Хъний* (RTM V:XVII=XVI), затем у *Tn-м-‘нх* (RME: XII), но налицо только обломок с кузнецами без других ремесленников; «кузнец золота» и, может быть, просто «кузнецы» названы у *Йэй* (RTDG II:XIX). «Столяры» (*фнх*) упомянуты у *Чай* (GAR:XXXV=GT:CXXXIII) и у *Bn-м-нфрт* (EG II:против 190). Живописцы, раскрашивающие у *Пай-‘нх Хъний* со суд, поставец для посуды и изваяние, названы вместе «писцами очерка», но в отдельности — «писцом» и «писцом дома книги божьей» (RTM V:XVIII=XIX). Да и знаем мы о существовании «писцов» — живописцев в «чистой» мастерской — прежде всего по изображению такого — «писца юга чистой (мастерской)» — за работу над изваянием вельможи среди других ремесленников (*‘нх-м-с-хър*, GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII).

Также и начальство у ремесленников в «чистой» мастерской и на многоремесленных изображениях в гробницах, там, где это возможно проследить, оказывается одинаковым. «Распорядителя мастеров»-камнеделов, изготавлиющих каменную посуду, мы находим дважды у *‘нх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS: CXXXIII). «Распорядителя кузнецов» имеем у *‘нх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS:CXXXIII), *Пай-‘нх Хъний* (RTM V:XVI=XVII), *Tn-м-‘нх* (RME:XII); «наставник кузнецов» есть у *Йй-мрый* (DAeAe II:XLIX b).

Ремесленники на гробничных изображениях очень часто изготавливают предметы, которые одинаково были нужны как в повседневном быту, так и, по египетским представлениям, в гробнице. Но немало изображенных изделий имело только погребальное и заупокойное назначение. «Лощильщики» лощат гроб у *Bn-m-nfrt* (EG II:против 190). Ваятели создают изваяние у *Nb-m'-xt(й)* (DAeAe II:XIII), Чай (GAR:XXXV=GT:CXXXIII), *Mrr-w(й)-k' Mry* (MM:XXX), *chn-m-c-xbr* (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII), *Inty* (D:XIII), *Ibty* (RTDG I:XIV), *Djw* (RTDG II:X), *Ptpt-cnh Xbnj* (RTM V:XVIII); то же делают камнеделы у Чай (GAR:XXXV=GT:CXXXIII) и *Ptpt-cnh Xbnj* (RTM V:XVII=XVI); изваяния же расписывают живописцы у *chn-m-c-xbr* (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII) и *Ptpt-cnh Xbnj* (RTM V:XVIII). Божницы, надо полагать, для тех же изваяний умершего изготавляются у Чай (GAR:XXXV=GT:CXXXIII), *Ibty* (RTDG I:XIV), *Djw* (RTDG II:X), возможно, у *Nb(.й)-m'-xt(й)* (DAeAe II:XIII); у *It-mry* божница стоит уже на полозьях, готовая к перевозке в ней изваяния в гробницу (DAeAe II:XLIX). У *Ibty* между «мастерами», изготавлиющими каменную посуду, и князем изображены готовые сосуды с надписью над ними: «Потребное (для) жертвы мастерства уставщика», т. е. для совершения им поминального обряда (RTDG I:XIII). В таких сосудах помещались растительные масла, и семь избранных масел составляли необходимую принадлежность гробничных возлияний. Добыча масла бывает иногда изображена вместе с другими ремеслами — у *It-mry* (DAeAe II:XLIX), *Nb(.й)-m'-xt(й)* (DAeAe II:XIII); у *It-mry* пояс, занятый маслодельческими изображениями, содержит также перечень семи масел, чем ясно указано заупокойное назначение производимого работниками масла. У *Itty Shdw* изображены вместе скорняки, сапожники, изготовители палок и столяры (D:XXI). Общая сопроводительная надпись перед князем, немного отбитая вверху, поясняла, что изделия должны были доставляться «ему в (ново)месячье всякое, праздник всякий добрый, повсе[дневно]», т. е. прежде всего в праздничные, но также и в обычные дни, как требовалось в случае заупокойных жертв. Соответственно и надпись над сапожником говорит о приготовлении приветственного дара (*ndjt-xbr*): «с сотворение подношения». У *chn-m-c-xbr* над двумя кузнецами, кующими золото, прямо написано: «Битье золота для погребального снаряжения (р кърстt)» (GAR:XXXIV=RTS:XXXIII). Не иначе как части гробницы, каменные брусья или плиты, обрабатывают резцами и молотами «каменотесы» у *Ibty* (RTDG I:XVI) и *Ptpt-cnh Xbnj* (RTM V:XXI); само обозначение их, досл. «те, кто от того, что под богом», т. е. люди кладбища у подножия пирамиды фараона, полностью отвечало тут их занятию. Правда, во втором случае «каменотесы» изображены отдельно от других ремесленников.

Выходит, что многоремесленные мастерские, изображенные

у вельмож, выполняли такие же работы, как и «чистая» мастерская, и так же обслуживали погребальные нужды, как и она. Не значит ли это, что многоремесленная мастерская была тою же «чистою» мастерской? Прямой и утвердительный ответ на это дает как будто надписание живописца, раскрашивающего изваяние на многоремесленном изображении у *‘nx-m-с-xър*, так как то «писец юга чистой (мастерской) Мсий» (GAR: XXXIV=RTS:XXXIII). Однако, как мы скоро увидим, в многоремесленных мастерских вельмож работали также мастера со стороны — из царских мастерских. Печально, что не совсем ясна надпись над плавильщиками на многоремесленном изображении у *Ибий* (RTDG I:XIV): *нб(и)т бий н джрв* (или: *нджрв*) *р в^сбт нт* нечеткий в издании знак +в. Первые два слова понятны, это «плавка меди». Но следующее выражение уже возможно читать двояким способом: *нджрв* и *н джрв*. Второе чтение менее вероятно, потому что *н* помещено над знаками *джр* и *р*, а не перед ними и составляет скорее всего одно целое с ними; трудно также найти сколько-нибудь приемлемый перевод при втором чтении. Остается только, как мне кажется, читать: *нджрв* и видеть в нем причастие от глагола *нджр* «хватать, держать». Лучше обстоит дело с нечетким в издании предпоследним знаком надписи. В позднем списке ее в гробнице времени XXVI царского дома этот знак воспроизведен как жезл *‘б*, *xрп* или *схм*. Однако ни одно из этих трех значений не дает удовлетворительного смысла, и потому позволительно видеть в загадочном знаке знак *‘хъс*. Он очень похож на знак жезла и близок к начертанию у *Ибий* (в издании нечто вроде знака *й* — метелки тростника, но со срезанным под прямым углом верхом). При таком чтении мы получаем *в^сбт нт ‘хъсв*, т. е. выражение, знакомое нам по надписи *Снджм-йб Инт*. Там говорилось о пребывании его трупа в течение некоторого времени в «*в^сбт нт ‘хъсв*» «чистой (мастерской) срока, (потребного для обработки трупа?)» (UAR:64—65=DAeAe II:LXXVI c). Разница лишь в том, что у *Снджм-йб Инт* слово *‘хъс* с определителем времени — знаком солнца, а у *Ибий* нет определителя. Поэтому, может быть, надпись *Ибий* значит нечто вроде: «Плавка меди, забираемой (?) в чистую (мастерскую) срока». «Чистая (мастерская) срока» готовила труп для вечности, и потому вполне мыслимо, что какая-то потребная для нее медь приготавлялась в другом месте. Но только какая то могла быть медь? У *Пий-‘nx Хъний* наглядно представлено, как в «чистую (мастерскую) повивальщиков» доставляют гроб с трупом и как через некоторое время приходят за ним и уносят его. При этом гроб не оставляют в «чистой» мастерской, а уносят его и потом снова приходят с ним, чтобы взять труп. И никаких других погребальных принадлежностей, естественно, не приносят в мастерскую. У *Снджм-йб Инт* после «чистой (мастерской) срока» труп находится в «доме собственном» в ожидании завершения гробницы (UAR:64=DAeAe II:

LXXVI c). У *снх-м-с-хър* похороны производятся также не из мастерской, а из «дома собственного»: «Выход из дома собственного на запад добрый» (*снх-м-с-хър*, RTS:LXXII). Правда, у *Птхъ-хътп* над погребальной ладьею написано: «Переправка из дома ткачих на запад (до)брый к богу большому» (DAeAe II:CI b), но «дом ткачих» — не «чистая» мастерская. Поэтому у нас нет оснований утверждать, что в место приготовления трупа поступали какие-либо погребальные принадлежности. Но тогда становится непонятным, какую медь могли плавить для такого места? Потому, может быть, «чистая (мастерская) срока» у *Йбий* все-таки тождественна с мастерскою, где плавят медь? Если б это было так, тождество «чистой» мастерской, притом той именно, где готовили и трупы для вечности, с мастерскою многоремесленной, изображенной в гробницах, было бы доказано полностью. Также нам придется удовольствоваться заключением, что оно вполне вероятно и что все как будто говорит в пользу его.

Есть, однако, одно обстоятельство, которое при таком допущении способно вызвать недоумение. Чьи многоремесленные мастерские, изображенные в гробницах вельмож,— их самих или царские? Если их самих, то не странно ли, что сановники содержали большие многоремесленные заведения для таких редких и исключительных случаев, как кончина хозяина или его близких, приключавшаяся, надо полагать, никак не повседневно? Последний вопрос, несомненно, уместен, потому что, как мы сейчас увидим, на первый вопрос — чьи были мастерские? — ответить надо в том смысле, что они сполна или отчасти принадлежали вельможам. Это видно прежде всего по тому, что люди, занятые в многоремесленных мастерских, бывают обозначены определенно, как принадлежащие к собственному дому, т. е. хозяйству вельможи. «Лощение ложа черного дерева лощильщиком дома собственного», «Бьется ларь лощильами лощильщиками дома собственного» (Чий; GAR:XXXIV—XXXV=GT:CXXXII, CXXXIII); «Собственный (человек), рубильщик [имярек]» (*Tn-м-снх*, RME:XII — столяр изготавляет ложе). У областных князей к собственным их работникам присоединяются царские, совершенно так же как на землемельческих работах (см. § 23). Один ларь лощат «рубильщик(и) дома собственного», другой — «рубильщики (царского) местожительства» (*Йбий*, RTDG I:XIV), камень обрабатывают сообща «каменотесы (царского) местожительства (и) дома собственного, творящие то, что жалуют» (*Йбий*, RTDG I:XVI). Соответственно надписание мастерской в целом обобщает так: «Смотрение (на) работу всякую в палате мастеров в руках мастеров всяких (царского) местожительства (и) извне» (*Йбий*, RTDG I:XIII; полный перевод и перечень изображенных ремесел см. в § 29). У *Джэв*, преемника *Йбий*, судостроители на сходном изображении надписаны: «Судостроение мастеров дома собственного», а надпись ко всему изображению обобщает

ла: «[См]отрение (на) работу (?)— — — (царского) местожительства (и) дома собственного» (Дж^{св}, RTDG II:X; перечень изображенных ремесел в § 29).

Частный случай присутствия фараоновского служащего в многоремесленной мастерской имеется у *снх-м-с-хър*: над женским изваянием здесь работает «распорядитель ваятелей дома большого (т. е. дворца) *Дж^{см}*» (ГАР:XXXIII=RTS:XXXII—XXXIII). Несмотря, однако, на присутствие среди работников царских мастеров, мастерская в целом была подотчетна управлению личного хозяйства вельможи. В многоремесленной мастерской у *Йбий*—«палате мастеров»—перед князем сидят четверо писцов, надписанных так: «писец, распорядитель дома, творящий приказ владыки своего; писец, распорядитель дома, творящий то, что жалует владыка его, (тот), что в сердце владыки [своего] — — — распорядитель дома, что в сердце владыки [своего] — — —» (RTDG I:XV). В общем надписании изображения, непосредственно за вышеприведенным началом, соответственно читаем: «счет рук мастеров всяких писцами собственными его» (RTDG I:XIII). Также у князя той же области *Йэй* запись изготовленным кузнецами сосудам ведет «писец, распорядитель дома собственного» (RTDG II:XIX).

Участие в работах княжеской мастерской царских работников не должно нас удивлять. Ведь и на поле у областных князей вместе с их личными рабочими «дружинами дома собственного» трудились «слуги царевы» (см. § 23). Особенность положения областных князей в том и состояла, что в их лице соединялись частный землевладелец и областеначальник, располагавший рабочею силою своей области. Труднее объяснить появление дворцового главного ваятеля в многоремесленной мастерской у *снх-м-с-хър*, но нельзя забывать, что она работала на первого сановника государства, и даже царский ваятель мог считать честью для себя послужить такому человеку.

Вернемся к поставленному выше вопросу: зачем было содержать вельможам собственные многоремесленные мастерские, если они обслуживали только погребальные потребности и, следовательно, нужны были лишь в редких случаях—когда кончался хозяин или кто-нибудь из его близких? Бессспорно, существование многоремесленных исключительно погребальных мастерских в составе частного хозяйства вельмож вовсе не правдоподобно. Потому надо полагать, что вельможеские многоремесленные мастерские если и обслуживали погребальные нужды, то больше работали как обыкновенные мастерские на живых людей. Как уже было сказано, большинство изготавляемых предметов вполне годилось и для живых, так как представляло собою вещи, употребительные в повседневном быту. Сам умерший мыслился на изображениях обозревающим работы еще при жизни. У *Чий*—правда, не в многоремесленной мастерской, а в кораблестроительной, изображенной отдельно от той,—умерший даже показан стоящим на строящемся судне

посреди «рубильщиков (т. е. плотников) дома собственного» (ГАР:XXXVI=ГТ:CXX=CXIX). В многоремесленной мастерской *Пайи-сих Хъний* над работниками, сверлящими каменную посуду, помещена надпись: «Смотрите вы, сановник жалует вас» (RTM V:XVII=XVI); иными словами, князь, изображенный рядом смотрящим на работы («смотрение (на) работу всякую мастеров», RTM V:XVI), является не просто потусторонним наблюдателем, но и обыкновенным зрителем для работников хозяином. Да и ведут его туда за руки два его домоправителя, совсем как в обыденной жизни.

Значит, уверенными в том, что вельможеские многоремесленные заведения были «чистыми» мастерскими, мы не можем быть. Если считать последние исключительно погребальными, то не только уверенности — простой возможности предположить это у нас не останется почти вовсе. То, что удалось собрать касательно государственных «чистых» мастерских, не дает пока что права говорить об использовании их для житейских нужд помимо погребальных. Поэтому осторожнее будет — до новых известий — не отождествлять многоремесленные мастерские вельмож с «чистыми». И так поступать будет, возможно, не только осмотрительнее, но и на деле правильнее. Ведь в надписании многоремесленной мастерской, с которой мы начали эту главу, заведение, где работают многоразличные ремесленники, названо не «чистою» мастерскою, а «палатою мастеров» (*Ибий*, RTDG I:XIII). Это тем более многозначительно, что *владелец мастерской не просто придворный или столичный вельможа, а областеначальник, не частное, а владетельное лицо, которое располагало одновременно своими собственными средствами и средствами области, государственной единицы управления*, которая, вообще говоря, могла бы иметь свою «чистую» погребальную мастерскую.

Сравнение вельможеской многоремесленной мастерской с «чистою» позволяет нам, однако, сделать один положительный, и притом значительный, вывод. *Вельможеские многоремесленные мастерские и «чистая» мастерская не только совпадали во многом по составу представленных в них ремесленников, но являли по самому своему строению один и тот же вид промышленного заведения: объединение разных ремесел.* Тем самым, если «чистая» мастерская была отлична от изображенных у вельмож многоремесленных мастерских по своему назначению — да и то лишь отчасти, поскольку они тоже работали на умерших,— то по строению она была тою же многоремесленною мастерскою. Если не считать — для чего у нас пока что нет достаточных оснований — «чистую» мастерскую тем самым местом, где «палаты „убор царев“», а считать таковым местом «палаты убора царева» (см. выше), то эти «палаты» были бы также многоремесленными заведениями. Ведь «убор царев» обслуживали те же виды ремесленников, которые имелись в «чистой» мастерской и в многоремесленных мастерских вель-

мож. «Кузнецы золота убора царева» — в титле *Птхъ-вср* (МАЕ:116) и «кузнец золота» в вельможеской многоремесленной мастерской — у *Йзй* (RTDG II:XIX; изображения без званий см. в § 29). «Сборщик ожерелей убора царева» — у *Pc-шпсс* (DAeAe II:LX) и «сборщики» в многоремесленной мастерской вельможи — у *Пий-«нх Хъний* (RTM V:XVII=XVI), также, возможно, «сборщики ожерелей», а не «сборка ожерелей» — у *Йбий* (RTDG I:XIII) и на обломке DARMK:XLVIII++235 (об изображениях без таких надписаний см. в § 29). «Мастера убора царева» в титле *Ффй* (DARMK:27=МАЕ:101) и «мастера» в смысле камнеделов многократно в вельможеских многоремесленных мастерских также в связи с «чистою» мастерской (см. выше). «Ваятели убора царева» — в титлах *Pc-хътп* (МАЕ:135) и некоего *Ттй* у *Дв'-н-рс* (МАЕ:350) и «ваятели», надписанные и ненадписанные, многократно в многоремесленных мастерских вельмож (см. выше); «писец юга чистой (мастерской) *Мсй* расписывает изваяние в многоремесленной мастерской у *«нх-м-с-хър* (GAR:XXXIV=RTS II:XXXIII). Естественно полагать, что многоразличные ремесленники, обслуживавшие «убор царев», были сосредоточены в одном многоремесленном заведении и что этим заведением были «обе палаты убора царева», или, что то же, «обе палаты». Разумеется, такое заведение работало не на одного мертвого, но также и на живого царя, может быть, даже только на живого, если убранство умершего царя приготавляла «чистая» мастерская. Полностью выключать обслуживание мертвого царя из числа задач мастерских царского убора навряд ли возможно, потому что, как мы видели (см. выше), умашение, а может быть, еще что другое поступало из «обеих палат убора царева» даже для «нужда» нецарственных мертвецов. Обслуживание одним и тем же многоремесленным заведением как жителей, так и погребальных нужд мы могли бы с большею степенью вероятности предположить и в случае многоремесленных вельможеских мастерских. Тем самым мы будем, пожалуй, вправе считать многоремесленный состав распространенною особенностью больших промышленных заведений в Старом царстве. С подобною многоремесленностью мы столкнулись и в староегипетском пищевом производстве при рассмотрении «затвора» (см. § 26).

§ 30. Ткацкие мастерские

Если в пищевых заведениях работали мужчины и женщины, а в других — одни мужчины, то в ткацких мастерских непосредственными производителями были женщины. Да и название ткацкой мастерской было «дом ткачих» (*пр хнм(в)т*), а не «дом ткачей». Зато руководство — а руководили знатоки данного дела — бывало в вельможеских ткацких мастерских сплошь мужским: «распорядитель», «направитель», «писец до-

ма ткачих» (писец, конечно, не был ткачом). Впрочем, нельзя исключить возможность руководства той или иной ткацкой мастерской лицом женского пола, потому что во главе даже царских заведений стояли иногда женщины. Так, у «распорядителя домов ткачих» *Нир-нфр* старший сын был, как и отец, «распорядителем домов ткачих», дочь же *Всрт-к'* — «распорядителем дома ткачих» (DARMK:131=XXXIII). *Рвдж-з'в.с* состояла «распорядителем дома ткачих (царского) Местопребывания» (UAR:229, строки 4—5=EG I:112=LXIX 1).

Насколько я знаю, ткацкий станок ни разу не изображен в староегипетских гробницах, хотя, разумеется, был издавна во всеобщем употреблении. Нечто отдаленно напоминающее такой станок изображено по соседству с вышеописанным изображением в гробнице князя *Пий-снх* (RTM V:XV). Идут двое «распорядителей полотна» и один «ключник», из которых второй и третий несут куски ткани, а позади работают два сапожника и девять мужчин, занятых чем-то вроде тканья или вязки. Из девяти двое работают на своеобразных лежачих станках, трое или четверо готовят нити, один лощит(?) ткань(?), над одним надпись: «Сотворение паруса». Девятый сидит подле одного из работающих на станках, как если бы всё это занятие заключалось в помощи тому. «Наполни мне иглу эту спешно. Вот, игла пуста», — говорит работник. И помощник вдевает нить или веревку в большую деревянную иглу: «Творю я согласно тому, что жалуешь ты».

В гробнице одного из верхнеегипетских областных князей времени VI царского дома, *Пий-снх*, перед восседающим в кресле вельможу изображены двое писцов, сидящие на земле и рассчитывающие, сколько рабочих единиц требуется в месяц и сколько в год. Что речь идет о ткацкой мастерской, доказывает то, что требуются одни лишь женщины, и то, что позади тех писцов стоит ключник (*сдж'в*) (ключи ведали также бельем), а третий писец учитывает куски ткани, которые не то вынимает, не то укладывает в ящик склонившийся над ним мужчина. Над писцами, занятыми расчетом, надпись: «Запись рук (досл. „двух рук“) служанок (*хтм(в)т*), что для потребы месячной — 84, итого для потребы годичной — 996» (RTM V:XV). Воображаемая мастерская — довольно крупное заведение, и выражение «две руки» (*свй*) обозначало рабочую единицу («человеко-руки!»!). Такое словоупотребление мы встретим и в гробнице другого верхнеегипетского князя того же времени — *Ибий* (RTDG I:XIII; см. § 29). Там писцы учитывают работников многоремесленной мастерской. Видимо, «две руки» были принятым обозначением для рабочей единицы при учете и расчете.

На исходе Старого царства областной князь *хнк'в* заверял население своей области: «Никогда не отправлял (я) в ней мужчину в гребц(ы), дочь его в дома» (RTDG II:XXIV, строка 16=UAR:77). Если в «дома» и, следовательно, в «дом ткачих»

князь мог забрать даже дочь «независимого», самостоятельного жителя области, то это, конечно, мог делать вельможа с дочерьми и женами своих «собственных», зависимых людей, набирая работниц в свой «дом ткачих».

Из изображений, имеющих отношение к снабжению и награждению работниц и служащих ткацкого производства, самым обстоятельным является сохранившееся в гробнице *Птхъ-хѣтп* (DAeAe II:CIII a; воспроизведено оттуда G V:49). Оно имеет и то преимущество, что подробно надписано.

Изображена приемка ткани от ткацких мастерских — «домов ткачих», мастерских, несомненно, не царских, а самого вельможи. Сопутствующее приемке награждение работниц (о нем см. ниже) протекает как будто бы в домашней, а не в служебной обстановке: в присутствии не только самого *Птхъ-хѣтп*, но и его супруги. Ведь никем иным не может быть женщина, сидящая у ног вельможи, между его креслом и сложенными перед ним наградами ткачихам, одною рукою обнимающая ногу сановника, а другою держащая цветок лотоса; при этом под обоими одна циновка. Благодарственные возгласы, вложенные в уста ткачихам, относятся к одному *Птхъ-хѣтп*: о царе они не упоминают и зовут вельможу своим «владыкою». Награжденная украшениями женщина восклицает: «Да даст Хатхор жизнь *Ипти* (сокращение от *Птхъ-хѣтп*), и ей вторит другая, получающая «отличную» ткань: «Да даст Хатхор жизнь *Ипти*, владыке (моему)». Позади писца, ведущего «запись полотна», выдаваемого работницам и их начальникам, стоят три «распорядителя полотна», но за ними «наставник ключников», и ведерко, которое он держит в правой, и длинный чехол, который он прижимает к груди левой рукой, хорошо известны как принадлежности личных прислужников вельможи, сопровождающих его при выходах. «Наставник ключников», как и три «распорядителя полотна», помещается непосредственно ниже вельможеского кресла и неотделим от предшествующих ему собратьев, так как ключники тоже ведали бельем. В пользу отнесения мастерских к вельможескому хозяйству говорят, наконец, и соображения общего порядка: староегипетским гробницам в противоположность позднейшим свойственно, как известно, довольствоваться изображениями из частного быта сановника; изображения служебной деятельности являются здесь редчайшим исключением.

К личному хозяйству, а не к государственному относятся, вероятно, даже изображения в гробнице карлика *Снб*, хотя он был не только «руководителем карликов белья» (G V:41), но и «распорядителем ткацкой мастерской дома большого (т. е. дворца)» (G V:27). Над изображением приемки им тканей и награждения ткачих сопроводительная надпись гласит: «Смотр ткани(?) дома ткачих дома северного» (G V:43), и добавление «дома северного» способно навести нас на мысль, что в виду имеется государственное заведение, именно низовое, которым

бы тогда и ведал сановитый карлик²¹. Звание «направитель дворов низового венца» в его титле (G V:27), связанное, по-видимому, с ткацким же производством²², подкрепляло б такое толкование. Но есть веские обстоятельства, ему противоречащие. Среди писцов, ведущих учет ткани, на данном изображении первое место занимает некий *Хәм-йвн(и)*; то же имя носит и первый из писцов, следующих за «распорядителем дома», при предъявлении сановнику ведомости его, несомненно, личного хозяйства: «Давание писания дома собственного (*пр джт*)» (G V:89). Далее, на изображении приемки ткани именами надписаны не только писцы и служащие мастерских, но и все пять работниц. Если последние были государственными ткачихами, подобное попечение о них в частной гробнице было бы явлением совершенно исключительным среди бесчисленных ста-роегипетских изображений. Наоборот, если эти пять женщин были собственными работницами хозяина гробницы,увековечение их под надлежащими именами на ее стенах было бы только в порядке вещей, особенно в случае данного памятника, так как карлик заботливо закреплял в усыпальнице образы и имена своих личных слуг: карличих (G V:62, 67), гребцов (G V:67), носильщиков носилок, опахалоносца, провожатого прислужника (G V:89), скотовода, стражника (G V:77). Представление хозяину описи его хозяйства (G V:89), отчет пастухов в поголовье скота (G V:77, 78), доставка селениями, названными по имени хозяина, своих произведений (G V:45), изображенные на стенах гробницы, явно имеют в виду частное хозяйство сановника. Среди этих изображений посвященное ткацким мастерским, если б оно изображало государственное заведение, стояло бы совсем особняком. Более того, наиболее веское (наряду с титлом карлика) основание для признания данных мастерских государственными — их принадлежность к «дому северному» — не является надежным. Частное хозяйство вельможи могло тоже распадаться на две половины в зависимости от нахождения в Низовые или Верховье. В гробнице *Нфр-йт-н.ф* при уборке льна присутствует «распорядитель дома земли Низовья» (RIEMRCB:10+207a). Может быть, разрешение трудностей кроется в своеобразном сочетании казенного и частного в вельможеском хозяйстве, о чем будет сказано в надлежащем месте. Далее, представление ведомости и ткани изображено также в гробнице *Мр-йб* (DAeAe II:XX a=AIKMВ: 95), и надпись при этом: «Смотр ткани (?) дома ткачих» — в точности совпадает с карликовой помимо добавления «дома северного». И тем не менее вряд ли кто заподозрит царевича, военачальника, верховного жреца Она и «распорядителя работ всех царя» *Мр-йб* в том, что он заведовал еще государствен-

²¹ Junker H. Giza V. Die Mastaba des *Snb* (Seneb) und die umliegenden Gräber. Wien und Leipzig, 1941 (DÄWW. Bd. 71, Abh. 2), c. 13.

²² Там же, с. 13—14.

ными ткацкими мастерскими и изобразил их, а не свои собственные в своей гробнице.

Вернемся к изображению в гробнице *Птхъ-хътп*. В нижнем поясе, справа, представлено не менее десятка житниц, каждая или каждые две с особым видом зерна или зерновых плодов: две с верховым, две с низовым ячменем, две с пшеницей и т. д. Налево от житниц груда зерна и двое мужчин: один с меркою в руках, нагнувшись, отмеривает зерно, другой, стоящий прямо, считает его, несомненно, вслух, поскольку это «крепкий голос житницы». Надпись над кучей и обоими мужчинами гласит: «Отмеривание ячменя (и) полбы для *мчнт* домов ткачих». Слово *мчнт* и занесено в словарь, очевидно, только на основании данной надписи со значением «*Unterhalt(?)*»²³. Словарь никак не сопоставляет это староегипетское слово с засвидетельствованным только с Нового царства корнем *мтн*. Под ним в словаре находим два слова, глагол и производное от него существительное: *мтн* кого-нибудь чем-нибудь (с предлогом *м*) одарить, наградить; также только: чем-нибудь снабдить, и затем *мтнв.т* награда²⁴. Как известно, в пору Среднего царства звук *ч* в значительной части слов, его первоначально содержавших, заменился звуком *т*. Таким образом, в звуковом отношении нет препятствий для отождествления обоих корней, занесенных в разные места словаря. Значение «подарок — награда — снажжение» подходит к изучаемому изображению, где награда и содержание сплетаются воедино (см. ниже). Левее отмеривания зерна изображено сходное действие, только с заменой хлеба зерновидным плодом *вхъс*. Куча плодов, перед нею склоненный мужчина с меркою и стоящий прямо счетчик, вверху надпись: «Отмеривание (плода) *вхъс* для *мчнт*». Изображение издано в книге более чем столетней давности, и вместо *мчнт* «снажжение» там показано *с'чнт*. Однако, несомненно, лежачий столбик *'* должен быть заменен волнистой водой (*и* «для»), а коршун *'* — союю *м*²⁵.

Но не только зерно отпускается в довольствие ткацким мастерским. На следующем налево изображении внушительная груда всевозможных видов мяса, хлебов и закупоренных сосудов с пивом. Что все это предназначено для тех же мастерских, доказывается положением между описанными уже зерновыми кучами и не менее любопытным изображением в крайнем левом углу пояса.

Здесь должностное, судя по переднику, лицо вручает женщине перевязанный сверток, такой большой, что оба, дающий и принимающая, вынуждены держать его каждый двумя руками. За женщиной писец, записывающий выдачу, перед ним надпись: «Запись хлеба». Что сверток содержит хлеб, явствует и из речи дающего мужчины, обращенной к получательнице: «Вот

²³ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 2, c. 176.

²⁴ Там же, с. 170.

²⁵ Таково и мнение Junker H. Giza V, с. 51.

хлеб. Это есть золото, которое дам (я)». Вторая часть этого обращения переводится только гадательно. Возможно, что в ней хлеб шутливо приравнен к «золотым» украшениям, раздаваемым в награду в верхнем поясе. Сходное замечание встречается нам и на изображении в левом углу следующего по направлению вверх среднего пояса.

Тут тоже видна груда плодов, на этот раз смокв, и перед нею стоит мужчина, отмеривающий их, согнувшись, своею меркой. Над грудою, к сожалению, только краткое: «Смоквы». Позади мужчины с меркою стоит другой, со смоквою в руках. Это «писец дома ткачих». Он оборачивается к веренице мужчин и женщин, ткацких начальников и работниц, приближающихся к нему с выданным им полотном, с призывом: «Идите ко (мне). Есть одежда, которую дам (я)». Перевод и значение последнего замечания сомнительны; может быть, как и в случае хлеба, здесь кроется шутка: писец раздает смоквы, что одежду?

В самом верхнем из уцелевших поясов, где представлено оделение ткачих ожерельями и маслом, один из вручающих вознаграждение говорит получательнице: «Есть для жалуемой (постоянно)». Это может навести на мысль, что украшения предназначались только для отличившихся работниц и что, может быть, вообще все изображение посвящено исключительному случаю — награждению мастерских за особенно хорошую работу. При нашем недостаточном знании староегипетской деловой речи отрицать возможность этого безоговорочно нельзя. Все зависит от того, какой смысл имело слово *мчнт*. Выше путем сопоставления с позднейшими *мтн* и *мтнwt* было получено тройное значение: дар — вознаграждение — снабжение. Можно перевести свести к простому и удобному «оделению», но от этого смысл слова в данном месте не станет яснее, так как неизвестно, какое оделение имелось в виду. Единственно только строение предложения, где *мчнт* стоит в сочетании с «домами ткачих» дает как будто бы некоторое основание понять его — вместе со словарем — как «довольствие». «Отмеривание ячменя (и) полбы для оделения домов ткачих» по-египетски будет: *x'(йт)йт бdt n мчнт пр.в xhm.wt*. Поскольку нет никаких поводов видеть в *мчнт* неопределенное наклонение, это слово не должно выражать действие, направленное на «дома ткачих», — оделение их; скорее оно должно выражать нечто, принадлежащее или причитающееся «домам ткачих», которые приданы ему как определение: «оделение-довольствие дома ткачих». Это толкование находит себе поддержку в словоупотреблении родственного изображения, о котором речь будет в дальнейшем, — награждение ткачих из гробницы *'xt-xтtn* (МОР:370; воспроизведение от руки по тому же снимку — G V:46). Там при раздаче украшений дважды наряду с «даванием золота» употреблено выражение «давание пожалования (=награды)». «Пожалование» (*хъзээт*) — существительное, производное от глагола

хъз «жаловать». Этот глагол употреблен и в гробнице *Птхъ-хътп* на изображении раздачи украшений применительно к одной из награжденных: «Есть для жалуемой (постоянно)» — *йв н хъззт* (см. выше). Если бы и зерновые выдачи шли в порядке «пожалования», можно было бы ожидать и в случае их употребления слова *хъззт*, но возможно, это слово было неприменимо к зерновым выдачам. Как бы то ни было, употребление *мчнт* наряду с *хъззт* доказывает, что в первом имелся свой смысл, нетождественный с обычным словом для «пожалование — награда — знак милости». Может быть, в *мчнт* следует видеть образование от глагола *чнй* «возвышать — отличать» с помощью хорошо засвидетельствованной для отглагольных слов приставкою *м?* Тогда *мчнт* могло бы значить: «повышенное — добавочное довольствие». Это хорошо подошло бы к повышенному, праздничному настроению изображения, ср. приведенные выше возгласы ткачих в честь *Птхъ-хътп*, а также хвалебные отзывы о выдаваемых тканях, которые переведены будут ниже. Сочетание выдачи хлеба и пива с раздачею ожерелий и подвесок, наблюдающиеся на изображении у *Птхъ-хътп*, засвидетельствованы уже несомненно как особая награда в надписи *Нхбв* (JEA XXIV:I I=II=UAR:217—219). Здесь несколько раз отличившийся управлятель царских работ получает от своего владыки не только ожерелье и подвески, но также хлеб и пиво. Таким образом, истолкование изображения в гробнице *Птхъ-хътп* как награждение мастерских за особенно хорошую работу яствами и напитками, высококачественной тканью, украшениями и благовонным умашением является наиболее правдоподобным. Если мы сочетаем сказанное выше о принадлежности *мчнт* «домам ткачих», названным как определение к нему, с его наградным значением, мы придем к тому же его осмыслению, как «повышенное — добавочное довольствие». Но и при таком понимании данного выражения изображение и приписки остаются свидетельством о продовольственном снабжении мастерских, так как повышенное или добавочное довольствие предполагает как свою противоположность обыкновенное или основное, наградное — повседневное. К подобному выводу побуждает и само бытовое положение ткачих *Птхъ-хътп*. Они ткали не на дому, а сообща в мастерских, сдавали не часть выработанной у себя, своей ткани, а то, что произвели в хозяйственном заведении. Их награждали за хорошую работу, следовательно, дорожили их трудом и рабочим временем, использовали их в меру возможности. При таком положении дел кормить и поить подневольных работниц было только естественным.

По существу своему изображенное у *Птхъ-хътп* представляло, наверное, повседневную действительность ткацких мастерских, лишь по-праздничному приукрашенную по случаю награждения. Выдача довольствия счетом и мерою со строгой записью и была, очевидно, тем способом, которым крупное

ткацкое хозяйство обеспечивало воспроизведение своих рабочниц.

Маловероятно, чтобы свою одежду они ткали самостоятельно на дому, а не получали от того же хозяйства. Памятники полностью поддерживают такое умозаключение.

На обсуждавшемся уже изображении в гробнице *Птхъ-хѣтп*, на котором представлены отмеривание и выдача продовольствия ткачихам, изображена и раздача им ткани, украшений и умашения. В правом углу верхнего пояса уцелели ноги восседавшего на кресле вельможи и туловище присевшей перед ним женщины,— несомненно, его жены (см. выше). Перед вельможной четою расставлены сосуды с умашениями и ларь с ожерельями. Далее налево мужчина подносит ожерелье с подвеской женщине, обеими руками укрепляющей на голове только что полученную повязку (уцелели поднятые руки, голова в повязке отбита), затем мужчина подает круглое ожерелье женщине, судя по движению рук поправляющей на груди подвеску другого ожерелья и на голове повязку²⁶ (сами украшения ныне не видны). Пораженная обилием даров, женщина восклицает: «Да даст Хатхор жизнь *Итпий!*» (*Итпий*— сокращение имени *Птхъ-хѣтп*). Еще левее — женщина с руками в сходном положении, следовательно тоже уже получившая венчик и ожерелье с подвескою, получает вдобавок от мужчины сосуд с умашением. Украшения не уцелели, так же как сосуд, за исключением дна и подставки, но, что дар состоял из умашения, следует из речи награждающего: «Смотри, умашение сладостное». Что мужчина вручает следующей налево женщине — сейчас опознать трудно, но в одной руке, по-видимому, ожерелье. Мужчина говорит: «Есть (это) для (постоянно) жалуемой». Последние три женщины в левом углу пояса отходят — спиною к вельможе — с какою-то поклажею на плечах и полосками ткани, перекинутыми через их приподнятые руки. У двух, кроме того, по свертку под мышкою. Судя по изображениям в следующем поясе, эти женщины уходят с выданными им вещами²⁷.

Пояс, тянущийся под только что описанным, построен сходно с ним. Справа, где в верхнем поясе за раздачею наблюдал сам вельможа, здесь стоят его представители: трое «распорядителей полотна» и впереди них «судья (и) писец *Ихъй Красный (Рыжий)*», ведущий «запись полотна». Стоящий позади всех «наставник ключников *Ирй*» придает «домашнюю окраску» изображению, так как в одной руке у него длинный полосатый мешок, в другой — ведерко со щеткой — обычные принадлежности вельможных выходов, носимые сопровождением. Ключники имели прямое отношение к хозяйствскому белью и уборам, и потому нет ничего удивительного в появлении «наставника ключников», т. е. второстепенного надзирателя за ними, с дорожным мешком и умывальными принадлежностями

²⁶ Junker H. Giza V, c. 50.

²⁷ Там же.

около кресла своего господина. Но поскольку ключники ведали хозяйственным бельем, а нашего «наставника ключников» никак нельзя отделить от стоящих впереди трех «распорядителей полотна», то и эти последние должны были быть не государственными должностными лицами, а служащими самого вельможи. В таком мнении укрепляет сравнение с одним из изображений в гробнице *K'-гм.н.(й)* (MG II:V=16 101, 17 102—103). На этом изображении сановник смотрит на «дары (и) овощи всякие, доставляемые из дворов его (и) из городцов его Земли низовья (и) Верховья (и) дворов двойниковых его от того, что между обоими (право- и левобережными) рубежами дома собственного», следовательно, занят не государственными, а своими частными делами. Соответственно и сопровождают его личные его «писцы дома собственного, записывающие дар». Но кроме писцов за вельможею следует еще пятеро мужчин с надписанным над каждым званием: два «распорядителя полотна», один «наставник» и два «ключника». Первые трое стоят сложа руки, совсем как «распорядители полотна» в гробнице *'хт-хътп*; первый «ключник» несет две лопатообразные палки и ведро со щеткой, участвующие и в выходе *'хт-хътп*, в руках у «наставника ключников»; второй «ключник» несет на спине бельевой мешок и хозяйственную обувь. Сходство между званиями, порядком следования, положениями и снаряжением изображенных лиц в обеих гробницах настолько разительно, что вряд ли можно сомневаться в том, что как в той, так и в другой мы имеем дело с одним и тем же общественным явлением, и, поскольку совершенно очевидно, что изображенные у *K'-гм.н.(й)* люди — его личные прислужники, «распорядители полотна» у *'хт-хътп* должны быть тоже частными служащими последнего. Этот вывод очень существен, так как, как мы сейчас увидим, «распорядители полотна» присутствуют у *'хт-хътп* при выдаче ткани управлению и работницам ткацких мастерских, и тем самым эти мастерские оказываются не государственными, а самого вельможи.

Левее писца, ведущего «запись полотна», трижды изображена раздача его, так что писец учтывает не приходящую, но расходуемую ткань. А что изображена действительно раздача, а не приемка ткани, доказывают сами изображения, если их рассмотреть внимательно²⁸. Непосредственно перед писцом и стоящими за ним «распорядителями полотна» безымянный мужчина вручает сложенный кусок ткани «распорядителю дома ткачих». Что последний не сдает, а получает ткань, видно по его вытянутым для приема ладоням — в противоположность сжимающим ткань рукам выдающего. Свое восхищение «распорядителем» мастерской, как истый знаток своего дела, выражает восклицанием: «Смотри, ткань добная поистине!». Левее мужчина передает, а женщина принимает продолговатый тю-

²⁸ Там же, с. 50.

чок, который каждый держит двумя руками. Мужчина говорит женщине: «Смотри ты: ткань хорошая», на что получательница разражается благодарственным возгласом в честь вельможи: «Да даст Хатхор жизнь *Йпти*, владыке (моему)!» Дальше налево мужчина одною рукою протягивает полосу ткани женщины, а другою помогает ей утвердить на голове полученный тючок. Что мужчина — дающий, а женщина — получающая, видно по тому, что он действительно держит ткань между пальцами, тогда как женщина протягивает за нею раскрытую ладонь, и, наоборот, женщина держит рукою на голове тючок, в то время как мужчина только касается его ладонью, т. е. явно только поддерживает или подправляет на голове получательницы, а никак не снимает. За передачею ткани следует отход оделенных: справа налево движется шествие из трех мужчин и двух женщин. У каждого мужчины по полосе ткани в руке и по продолговатому тюку на плечах; из женщин передняя несет свой тючок на голове, задняя — на плече. Мужчины представляют руководство мастерских; позади второго написано: «руководитель дома ткачих», позади третьего: «распорядитель дома ткачих», и только первый мужчина не снабжен никаким званием. Передняя ткачиха оборачивается к задней со словами: «О(?), смотри (?), вижу (я) ткань твою».

На изображении раздача ткани и украшений соединена с выдачею тем же ткацким мастерским добавочного(?) довольствия. Та часть изображения была уже описана и обсуждена выше. Слова, обращенные к одной из получающих украшения: «Есть для (постоянно) жалуемой (*йв н хъэзэт*) — указывают, что изображено было награждение за хорошую работу. Благодарственные возгласы, вложенные в уста двум женщинам, получающей украшения и принимающей полотно, говорят о том же, равно как и восторженные отзывы о ткани со стороны одного из оделенных и одного из раздающих мужчин. На то же намекает и желание женщины, обернувшейся к подруге, посмотреть ее ткань. Выданные ткани были особенно хорошего качества. Таким образом, изображенная вещевая и продовольственная выдача была, наверное, наградною за отличную работу, хотя сдача и приемка самих произведений отличившихся мастерских на изображении не показаны.

Этот пробел заполняет изображение из гробницы 'хт-хъэтп (MOP:370=G V:47), хотя на нем и отсутствует выдача полотна и продовольствия и награждение сводится к раздаче украшений и умашения. Вельможа, сидя, не то щупает кусок ткани, не то принимает опись, в последнем случае весьма длинную, поскольку ее подносят в развернутом виде двое мужчин. Так или иначе, дело касается полотна, потому что позади подносящих мужчин стоят несколько других и предъявляют вельможе полосы ткани, и тут же показана «укладка полотна в ларь». У ног сановника несколько родов посуды с умашениями и длинные ящики с ожерельями и венчиками. Троє мужчин, из

них один «приставленник вещей», вручает трем женщинам ожерелья. Две из них получили уже и венчики и немедленно надели на головы. Одна женщина еще ничего не получила и ждет очереди. Зато другая, получив все, отходит прочь, поправляя на груди ожерелье и венчик на голове. В нижнем поясе двое мужчин, нагнувшись, натягивают над своеобразным станком длинный кусок полотна. Каждый одною рукою оттягивает свой конец, другою — касается полотна посередине. Маловероятно, что изображено складывание ткани, потому что рядом изображен мужчина с полосою ткани в руках, а за ним два ящика, и приписка гласит: «Вынимание полотна». У станка отвесные низкие концы, между которыми вставлена почти на уровне земли длинная перемычка на низких подпорках. К сожалению, надпись, пояснявшая это действие, не может быть переведена надежно, так как ни чтение, ни значение ее глагола не может считаться достоверно установленными: «...(неопределенное наклонение неизвестного глагола: делание чего-то относительно) четверной ткани (?) висса (т. е. тончайшего полотна) перво(качественного), что от красного полотна». Надпись над спиной правого мужчины могла быть речью другого, что стоит между ним и ящиками с полотном. Она могла бы значить: «(Я) с палкой», если бы только в руках этого мужчины была палка, а не полотно. Так же надпись должна содержать речь нагнувшегося мужчины и относиться к его деятельности. «(Я) с палкой» или «(Я) под палкой» было бы в его устах бессмыслицей; перевод же: «Есть под деревом» — дал бы приемлемый смысл, если бы дело шло о соотношении между натянутым полотном и станком — «деревом». Как видно на изображении, концы полотнища, за которые тянут мужчины, намного выдаются за края станка и, опустив они их, свесились бы «под» него (под верхнюю поверхность). Если мы представим себе станок в виде низенького стола, на котором мужчины растягивают полотнище, боковой край последнего, опускающийся на изображении ниже концов станка, тоже свешивался бы «под» него, т. е. под верхнюю поверхность. Таким образом, станок мог служить измерительным прибором, на котором поверили полноценность сдаваемых полотнищ; испытываемые куски полотна не должны были быть меньше поверхности измерительного стола, и было хорошо, если края полотнища свешивались за нее. Подобные измерительные приборы находили себе широкое применение в тогдашнем производстве, точнее, при приемке его изделий. Так, принимаемые хлебы опускались в особые сосуды, и, по тому, как тот или иной хлеб заполнял такой суд, определялась полноценность хлеба (гробница Чий, GT: LXXXVI=GAR:LXX=TT:LXVII=LXVI; *«nx-m-с-xвр*, RTS:XXV; *Tn-m-сnx*, GKN:123; *Xнт(и)-к' Иххй*, MKhCI:IX). Пиво также сливалось в испытательные сосуды (гробница *Xнт(и)-к' Иххй*, MKhCI:IX; ср. в гробнице *Tn-m-сnx*, GKN:123). Подробнее о поверочной посуде и способах приемки произведений пекарни

см. в § 26. С предложенным толкованием согласуется и левая сторона изучаемого изображения. В этой части пояса, непосредственно около станка, стоит «писец дома белого», т. е. хранилища всевозможных вещественных ценностей, и ведет запись полотна. Левее писца стоит домоправитель, т. е. главный управляющий (или один из главных управляющих) вельможеского хозяйства в целом. Перед домоправителем надпись, начинающаяся тем же загадочным глаголом, что и надпись над станком: «...(т. е. делание чего-то относительно) полотна в присутствии распорядителя дома». Позади домоправителя, следовательно, в крайнем левом углу пояса стоят двое мужчин, из которых каждый назван «распорядителем дома ткачих». Странно было бы, если б писец дома белого, распорядитель дома и двое распорядителей дома ткачих только затем здесь и присутствовали, чтобы наблюдать за раскладыванием и складыванием полотна. То обстоятельство, что писец пишет, ясно показывает, что происходит учет изделий. Зачем писец и остальное начальство ждали бы, пока разложат и сложат каждый кусок, вместо того чтобы просто пересчитать полотнища, если б эта раскладка не была бы связана с поверкой каждого из них? Поверка могла быть *качественной* и *количественной*. Для первой низенький станок, над которым начальству пришлось бы согнуться почти до земли, чтобы рассмотреть достоинства или недостатки ткани, был бы прямой нелепостью. Встряхнуть и развернуть полотнище перед повериющим, предоставив ему с удобством глазами и руками убедиться в добротности ткани, было несомненно проще и целесообразней. Очевидно, только количественная поверка могла нуждаться в такого рода станке как испытательном приборе. Любопытно, что при приемке хлеба и пива с помощью поверочной посуды также присутствуют и пишут писцы (гробницы *'нх-м-с-хър*, Чай, Хнт(ий)-к', *Tn-m-снх*), «распорядитель дома» возглавляет приемку (гробница Чай), а руководство производства является сдающим (гробница Чай) — совсем как на нашем изображении.

Итак, последовательность действий, изображенных в гробнице *'хт-хътп*, можно представить себе так. Сперва домоправитель принимает полотно от управляющих ткацкими мастерскими — с проверкою размера полотна по столу установленной величины и с занесением в опись; затем высшие должностные лица вельможеского хозяйства — двое домоправителей, не управляющих мастерскими, так как в передниках с выдающимися передом, — вручают опись (?) хозяину, которому предъявляется и само полотно, после чего оно закладывается в ларь. Награждение работниц ожерельями, венчиками и умашением могло иметь место одновременно с предъявлением вельможе ведомости(?) и ткани или вслед за тем, но только, наверно, по окончании приемки домоправителем.

Что оделение ткачих у *'хт-хътп* было наградою за хорошую работу, а не очередной выдачею, доказывается составом да-

ров: одни украшения, ожерелья и венчики, и умашение без полотна. Да и надписи сами дважды говорят о «даче пожалований» (*рдйт-хъзвт*). Что ткачиhi, награждаемые '*хт-хътп*', были его собственными, а не государственными работниками, доказывается тем, что поверка и учет выработанного ими полотна производится в присутствии «распорядителя дома», кавкой на староегипетских гробничных изображениях неизменно возглавляет личное хозяйство вельможи.

Очень близко к изображению из гробницы '*хт-хътп*' сильно поврежденное изображение в гробнице *Нб-м-'хт(й)* (DAeAeE: XXXIV=G V:51). Изображение самого хозяина целиком погибло, но, судя по остаткам женского изображения позади, вельможу сопровождала на этот раз его супруга (как у *Птхъ-хътп*). Перед четою четыре пояса изображений. В конце верхнего уцелел только последний мужчина со сложенным полотнем в руке,— вероятно, здесь была показана доставка ткани вельможе. В нижнем поясе остались двое мужчин, в противоположность верхнему идущие от вельможи со сложенными полотнами в руках, и третий, к которому те двое направляются и который, судя по согбенной спине, укладывал предъявленную сановнику ткань в ныне разрушенный ящик. В средних двух поясах было показано награждение ткачиков, чьи изделия осматривал вельможа. В верхнем из этих поясов видны два ящика, полные украшений, и мужчины, подносящие эти последние хозяину. В нижнем мужчины вручают работникам ожерелья, и те прилаживают на груди их подвески, а на головах награжденных венчики. Перед двумя женщинами, занятыми этим делом, стоит на земле по высокому сосуду с умашением. На то, что мастерские были частными, как на сходных изображениях у '*хт-хътп*' и *Птхъ-хътп*, указывает участие в осмотре ткани и награждении работниц супруги *Нб-м-'хт(й)*. Видимое отсутствие полотна среди раздаваемых предметов, сводящихся как у '*хт-хътп*', к украшениям и умашению, указывает на то, что изображена была не очередная выдача, а награждение.

Значительно менее подробно изображение в гробнице Снб. В верхнем поясе (G V:43=V a) двое мужчин предъявляют хозяину гробницы сложенные полотнища. Надпись поясняет, что это «смотр произведений (?) дома ткачиков двора северного». Поясом ниже трое писцов ведут учет (G V:43=V a). Писца же и мужчину с перевязанным свитком мы видим в третьем поясе (G V:45=V a), только здесь записывают явно не полотно, а выданные в награду украшения, так как перед писцом стоят два ткача, только что награжденные ожерельями и венчиками: один прилаживает на затылке ожерелье, другой — венчик на голове. В нижнем поясе (G V:45=V a) три ткачиhi; все три в наградных ожерельях; у одной, кроме того, на голове венчик, тоже только что полученный, так как награжденная еще занята его надеванием.

Естественно, подарки следуют за сдачею изделий, и за

отсутствием других даров помимо украшений изображено может быть только награждение, а не очередная выдача. Сложнее вопрос, собственные ли мастерские изображены у *Снб* или государственные, состоявшие под его управлением. Сам карлик *Снб* состоял направителем карликов полотна, ведавших царским бельем (G V:41, 109, два раза), и одно из званий сановитого карлика можно понять как «распорядитель ткацкой мастерской (*мр*) дома большого», т. е. дворца²⁹. Некоторые другие звания *Снб* также могут указывать на его причастность к ткацкому делу³⁰. Наконец, определение «дома ткачих» в пояснении к осмотру *Снб* тканей как мастерской «дома северного» подходит как будто бы более к государственному, чем к частному, заведению. Тем не менее есть веские обстоятельства считать, что мастерская принадлежала самому *Снб*. Один из писцов, ведущих запись по ткацкой мастерской во втором поясе нашего изображения, носит имя *Хъм-йвн(вй)*, и с таким же именем находим мы писца на другом изображении, на котором представлена «подача писания дома собственного» *Снб* распорядителем дома *Ин-к'(.ф)*, «писцом *Хъм-йвн(вй)*» и «писцом *Хътп-к'*. Если одноименные писцы тождественны (а тождество их вполне правдоподобно³¹), один и тот же писец обслуживал бы и ткацкие мастерские, и частное хозяйство *Снб*, так как дом-то его «дом собственный» (см. главу «Понятие собственности»). Далее, все лица, причастные к ткацким мастерским, названы у *Снб* по имени, не только писцы и мужчины, предъявляющие полотно или получающие украшения, но также ткачики. У *Снб* же как раз было в обычай надписывать изображения людей, находившихся в услужении лично у него, их именами. Так, названы по имени двое гребцов (G V:62), кормчий (G V:62) и лодочник (G V:67), катающие хозяина в челноках, пастух и вводящий его для отчета мужчина (G V:77), двое слуг, несущие *Снб* в носилках, служитель, держащий над ним сень, и слуга, несущий вслед ему его трость и дорожный мешок (G V:85), вышеупомянутые «распорядитель дома» и двое писцов, предъявляющие хозяину ведомость по его личному хозяйству («дому собственному») (G V:89), наконец, все девять мужчин, заупокойных жрецов или домочадцев, несущих умершему яства и напитки (G V:87, 93). А то, что дом ткачих отнесен к «дому северному», следовательно низовому, в противоположность «южному», верховому, не много значит: частное хозяйство («дом») вельможи могло тоже распадаться на два дома — низовий и верховий. На изображении уборки льна в гробнице *Нфр-йт-н.ф* прислуживает распорядитель дома Земли низовья (RIEMRCB:10+207 a=GAR:XLV). Правда, «дом Земли низовья» (*пр н т' мхъв*) и «дом северный» (*пр мхът(й)*) разные наименования — а все, что нам известно о «доме

²⁹ Там же, с. 12.

³⁰ Там же, с. 13—15.

³¹ Там же, с. 21.

северном», и есть его наименование,— но вполне возможно, что оба «дома» означали одно и то же, т. е. хозяйство вельможи в Низовье. И это тем более возможно, что оба «дома» в гробницах, где они упомянуты, стоят в связи с одним и тем же видом сырья — льном, только в одной усыпальнице лен убирают с поля, а в другой уже предъявляют хозяину переработанным в полотно.

Остается упомянуть еще обломок изображения награждения работниц украшениями (G V:53). Стоят четыре женщины с надписанными вверху именами и ожерельями в руках. Изображение примечательно, потому что на нем отчетливее, чем на более полных, приметна неодинаковость в награждении отдельных работниц³². В то время как у трех женщин из четырех в руках только по одному ожерелью и нет никаких украшений вокруг шей, у женщины, стоящей впереди этих трех, в руках два ожерелья, а вокруг шеи дважды обмотано еще третье, спадающее затем на грудь и заканчивающееся на ней подвескою (возможно, что это сложное украшение состоит из трех самостоятельных частей: двух нашейных обрущей и цепи с подвеской³³; тогда у передней женщины было бы еще больше ожерелий — не три, а целых пять, но мне кажется, что предложенное выше толкование нашейного убора проще и правдоподобнее). Хотя на обломке нет никаких указаний, что изображенные четыре женщины — ткачики, однако сходство с соответствующей частью изображения у Снб настолько велико, что данное изображение должно быть одного рода с описанными выше³⁴. У Снб три награжденные украшениями женщины стоят в нижнем поясе узкого, вытянутого в длину изображения, и над каждой надписано ее имя; то, что видно на обломке, тоже нижний пояс, притом такого же узкого изображения, женщин несколько, и все они стоят, и все снабжены украшениями, и над каждой надписано ее имя. Все говорит за то, что женщины с ожерельями в руках — награжденные работницы, и, так как других изображений раздачи наград работницам, кроме как ткачикам, в староегипетских гробницах как будто бы нет, а таковые изображения зато встречаются неоднократно, те четыре женщины на обломке должны быть тоже ткачиками. Передняя женщина, награжденная в отличие от остальных несколькими ожерельями, будет тогда или старшей ткачихой, или особой искусницей.

Награждение ожерельями производилось не только в производстве. Раздача их изображена также в поминальном храме царя *C'хъ-в(й)-р^c*, очень сходно с описанными выше гробничными изображениями³⁵, только награжденные здесь отнюдь не работницы, а виднейшие царедворцы (GKS II:LIII, LIV), равно как и в поминальном храме царя *Нй-вср-р^c* (GKN:76). Из

³² Ср. там же, с. 52.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 55.

жизнеописания распорядителя царских работ *Нхбв* мы также узнаем, что этот сановник неоднократно получал от царя в награду за успешное выполнение порученных работ ожерелья, а также хлеб и пиво (JEA XXIV:I 1=II=UAR:217—219). Награждение сановника хлебом и пивом тем любопытнее, что их мы находим и среди продовольствия, выдаваемого одновременно с ожерельями ткачихам *Птхъ-хѣтп*. Но тогда подлинно ли простые работницы те женщины, что получают украшения на гробничных изображениях? Не надзорительницы ли они или низшие руководительницы производства, т. е. тоже должностные лица, люди до известной степени чиновные? Ведь даже самые ответственные должности по руководству ткацким производством были доступны женщинам. Так, в гробнице *Мр-св-снх* на видном месте названа мать хозяина: «распорядительница дома ткачих Местопребывания, та, что в чести у бога большого (на том свете), *Радж-з'в.с.*» (EG I:112=LXIX 1=UAR:229). Эта особа была действительно ткацкою «сановницею», так как стояла во главе мастерских, была «распорядительницею», не подчиненной надзирательницею, притом мастерских столичных — самого царя. Такими важными особами женщины, награжденные *Птхъ-хѣтп* и прочими хозяевами гробниц, конечно, не были, и вообще никаких заведений не возглавляли. У *Птхъ-хѣтп* наряду с женщинами получают награды (ткани, смоквы) также и мужчины; эти мужчины и оказываются начальством мастерских. Здесь и «распорядители мастерских» — следовательно, главное начальство,— и «направители дома ткачих» — надо думать, начальство второго разряда,— и, наконец, «писец дома ткачих». В гробнице *Снб* ожерельями наделяются также мужчины, и притом изображены они поясом выше награжденных женщин, ближе к хозяину, восседающему в самом верху изображения. Вполне возможно, что эти мужчины были начальством стоящих под ними ткачих, однако у *Снб* выписаны только имена награжденных, без указания званий, и поэтому возможно также, что те мужчины были рядовыми ткачами. Сравнение с изображением в гробнице *Птхъ-хѣтп* говорит, правда, в пользу первой возможности. Но возвратимся к женщинам, награжденным этим вельможею. Они не были ни «распорядителями», ни «направителями», ни «писцами» «дома ткачих» — все эти должности присвоены на изображении мужчинам. Но не были ли эти женщины все-таки не простыми работницами, а низшим начальством мастерских? Однако ни у одной из изображенных женщин — а изображено их много — ни разу не указано должностное звание, в то время как у всех награжденных мужчин, за одним исключением, это звание указано. Далее, даже на уцелевшей части изображения число награжденных женщин значительно превышает число награжденных мужчин. Сохранись верхние изображения, разница в числе могла бы быть еще разительнее. Но и так количественное соотношение между чиновными мужчинами и нечиновными

женщинами примерно такое, какого можно было бы ожидать на условном изображении между руководством производства и производителями. Не будут также начальственные мужчины управлением производства, а неначальственные женщины непосредственным производственным руководством. Как показано в § 29, начальники староегипетских ремесленных производств были вовсе не управленческими работниками, а мастерами своего дела, поэтому подобное обоснение управления от непосредственного производства не соответствовало бы египетской действительности. На родственном изображении в гробнице 'хт-хътп производственная природа даже такой начальственной должности, как «распорядитель дома ткачих», подчеркнута скромным рабочим нарядом обоих ее носителей — куском ткани, обернутым вокруг бедер, резко отличным от чиновного передника с широким выступом на присутствующем тут же управленческом работнике — «писце дома белого», ведущем учет полотна. Если же начальственные должности и руководство производством были одно и то же и первые были присвоены на изображении у *Птхъ-хътп* одним мужчинам и ни одной из многочисленных женщин, последние должны были быть простыми работницами. Да и согласно приписке к изображению «отмеривания ячменя (и) полбы для *мтнг* дома ткачих», довольствие выдается не руководству, а «домам ткачих» в целом. Получательницей хлеба при этом изображена женщина безо всяких званий.

Может показаться странным, что простые работницы в частном хозяйстве получают такие ценные награды, как «золото». Но в этом «золоте» золотыми были разве только оправы, сами же ожерелья и подвески были, несомненно, из муравленых бус. А то, что подневольным ткачихам давались почетные награды, совсем как высшим чинам двора и государства, не столь уж удивительно после изложенного в главе «Отношение к труду»*.

Где находились вельможеские ткацкие заведения? В гробнице *Шпсс-р^с* имеется полуразрушенное изображение, посвященное ткацкому делу. Перед сидящим сановником помещена надпись, сохранившаяся почти целиком, за исключением небольшого пробела, сдержавшего, очевидно, второй ' от глагола *м* «смотреть»: «Смотрен[ие] (на) учет (в издании: *хъс* + звезда + свиток, читать надо, конечно, *хъсб* + скрещенные палочки + свиток) властелей дворов его Низовья (и) Верховья» (DAeAe II:LXI b, LXIV).

Перед вельможею расположены были четыре пояса изображений, и один пояс помещался еще в самом низу, под теми и под изображением умершего. Верхний пояс вовсе разрушен. Во втором поясе сверху видны еще должностное лицо, представляющее сановнику ведомость, и другое такое же лицо (су-

* Глава в рукописи отсутствует.

дя по выступающему переднику), возможно, со свертком ткани под мышкой. Пишуций, сидя на земле, писец мог быть, судя по остаткам титла, «[распорядителем] черед Верховья», но такое звание как будто слишком для него высоко. В третьем поясе сверху можно опознать «распоря[дителя]» (уцелело только *m*, *r* разрушено) дома», предъявляющего хозяину ведомость, и пишущего, сидя на земле, писца, повернувшего в данное мгновение лицо свое назад. В остатках надписи перед писцом можно при желании прочитать слова «быть» и «властель». В четвертом поясе сверху опять должностное лицо со свертком (ткани?) под мышкой и пишущий, сидя на земле, писец, остальное все разрушено. Несколько содержательнее самый нижний длинный пояс. Помимо писцов здесь можно опознать еще должностное лицо — в выступающем переднике, — стоящее у больших весов. Весы помещены примерно посередине пояса, и вот поверху его, налево от весов, тянется двухстрочная надпись, как на беду тоже поврежденная. Но кое-что все-таки можно уразуметь по воспроизведению более чем столетней древности.

«Смотрение ...управа дома (читай: *pr* вместо *x*), которая за [деланием чего-то по отношению к] властелям.

— — — писец в ткани... — — — [(такой-то ткани(?))] сотворена (?) жердь (?) (ткань?) *tp shsp* (?)³⁶ сотворено (?) столько-то (?; или это *mnt*=новоегипетскому *mny* „род меры платья“?³⁷)» (DAeAe II:LXIV).

Конец надписи переведен мною только полноты ради и, наверно, совсем неверно. Единственное достоверное, что можно вычитать из обеих строк, это то, что перед «управою (*djh'djh't*) дома (собственного)» вельможи отчитываются его властели и что, очевидно, отчет этот касается полотна, которое как раз и записывается. Что речь шла действительно о полотне, представляется несомненным, потому что прямоугольный знак с выступающей по бокам каймою вверху и загнутой крючковидно веревкой или нитью посередине, переданный в моем переводе как «полотно», не может означать ничего другого, как ткань. Умерший был правителем или верховным сановником государства (так называемым визиром), и потому возможно было бы предполагать, что отчет касался государственного ткачества. Однако упоминание «управы дома (собственного)» в нижней надписи и появление «распоря[дителя] дома», т. е. управляющего личным имуществом вельможи, с ведомостью в руках в среднем поясе исключают такую мысль. Потом общая приписка к изображению полностью подтверждает частновладельческий смысл его, называя хозяйствственные единицы, с властелями которых сводит счет вельможа, «дворами *ego*». Приписка к верхнему писцу, если она вправду содержала его должностное звание и оно было государственным и немаловажным, отнюдь не противоречила бы прочим недвусмысленным показани-

³⁶ Ср.: Junker H. Giza V.

³⁷ Erman A., Grapow H. Wörterbuch. Bd. 2, с. 66 (*mn*).

ям, так как очень многие лица тогда, даже будучи в крупных чинах, совмещали государственную службу со службою у больших господ.

Таким образом, изображение в гробнице *Шпсс-рс* как будто действительно свидетельствует о том, что в его «дворах», управлявшихся властелями, производилось для него полотно. Подтверждением тому может служить появление в списках селений, принадлежащих ему или иному вельможе, названий, сложенных со словом «ткачиха». Так, в гробнице правителя '*хт-хътп* в области Чебеннуте (греч. Севенниста) упомянуто селение «Ткачиха *Птхъ-хътп*» (MPAS II:XXXIV), названное так, очевидно, еще при отце хозяина, градоначальнике *Птхъ-хътп*. Такое же название содержит и список селений в гробнице *Птхъ-хътп* правителя (SM:XII), притом для того же Низовья (SM:XVII 7), только *Птхъ-хътп*, чьею объявлялась «ткачиха», был другим лицом. В перечне селений в гробнице *Сим-нфр*, по прозванию *Хъб'*, одно из селений именуется «Ткачихою *Сим-нфр*» (MAE:398). От царя, несомненно, перешло к вельможе селение «Двор „Ткачиха (царя) *С'хъ-в(й)-рс*“», упомянутое на видном месте в списке деревень в гробнице *Пхъ.н-в(й)-к'* (DAeAe II:XLVII); возможно, что селение оставалось ткаческим и по пожаловании вельможе. Первое и последнее селения, бесспорно, существовали на самом деле, о втором и третьем утверждать это с решительностью нельзя: они могли быть выдуманы нарочно для гробничного списка; но, как бы то ни было, они свидетельствуют о распространенности «ткаческих» прозваний для деревень в те годы.

Изображение в гробнице *Шпсс-рс*, если правильно наше понимание, показывает, что расположенные в селениях, управлявшихся властелями, ткацкие заведения вельмож в какой-то мере находились и в ведении властелей, и те тоже были за них в ответе.

Нетрудно понять и то, почему ткацкие мастерские были расположены в селениях. Ткачихами, как мы видели, были «служанки» (*хъмвт*), а таковые могли быть женами и дочерьми зависимого мужского населения деревень³⁸.

§ 31. Руководство мастерских

Как и прочие отрасли вельможеского хозяйства, мастерские были подотчетны «управе дома собственного» (см. § 33). В гробнице *Чий* при вельможе, смотрящем на ремесленные производства, находится и «управа дома собственного» (GT: CXXXII). Вельможеские «распорядители дома» входили в состав этих управ. Подобно тому как мы видим «распорядителей дома» за расчетом рабочих рук, нужных ткацкой мастерской (RTM V:XV), при приемке изделий ткацких мастерских

³⁸ См. для Среднего царства: Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, с. 67.

(МОР:370=G V:47) и отчете пищевых заведений (GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX), так и в «мастерских мастеров» дело не обходится без этих высших управляющих вельможеским хозяйством (о них см. § 33). В гробнице верховного сановника *Мрр-в (й)-к'* показано, как его «распорядитель дома» *Йхй* отвшивает медь, а писец ведет ей запись (ММ:XXX). В гробнице областного князя *Йзй* запись выкованным сосудам ведет «писец, распорядитель дома собственного» (RTDG II:XIX). Когда областной князь *Пий-снх* идет «смотреть работы всех мастеров», его ведут за руки два «распорядителя дома», а третий следует сзади (RTM V:XVI).

На надписанных изображениях в гробницах вельмож, насколько знаю, нет ни «распорядителей» мастерской мастеров (см. § 28), ни «распорядителей чистой (мастерской)» (см. § 29). Может быть, таковых и не было у вельмож? Зато «распорядители» отдельных отраслей ремесленного производства обильно представлены на изображениях. Только эти «распорядители» не были просто управляющими работниками, они были знатоками своего ремесла и сами участвовали в производственной работе наряду с простыми ремесленниками. «Распорядитель кузнец(ов) *K'-xp-[n]txb'* кует медь на одной наковальне со своим кузнецом (RME:XII). Но конечно, «распорядитель» выполняет начальнические обязанности: «распорядитель кузнецов» отвшивает работникам медь, сидя вместе с писцом, ведущим запись отпускаемому под навесом на изящных столбиках (GAR:XXXIV), и «распорядитель кузнец(ов)» предъявляет вельможе выкованный сосуд (RTM V:XVI=XVII; подобное, впрочем, мог сделать и простой работник, RTM V:XVI=XVII). «Старейшина судостроительного заведения, распорядитель древоделов (*мджхъве*), (тот), кто в головах (у) царя» (значит, одновременно царский чиновник!) *Хъннйт(?)* сидит, как подобает начальству, на циновке подле двух работников, лощащих ложе, и тешет длинный брус (RTM V:XVI=XVII). Тот же, «кто в головах (у) царя, распорядитель древодел(ов) *Хъннт(й)*» работает теслом, сидя на циновке, и говорит двум работникам, которые обрабатывают топорами бревнышко: «Обрубите дерево это, спешите, (да) дадите вы (м)не его, (и) сотворю я работу с ним» (RTM V:XVI=XVII).

В гробнице областного князя *Йбий* «распорядитель древодел(ов)» отделяет топором доску подле строящейся ладьи (RTDG I:XV), но тут же мы видим «распорядителя древоделов» уже не в простом рабочем описании, а в начальственном — с выступом спереди — и отдающего распоряжение (RTDG I:XIV). В гробнице *снх-м-с-хър* «распорядитель камнедел(ов)» показан сидящим на земле вместе со своим подчиненным и, как он, сверлящим каменный сосуд (GAR:XXXIV). Начальник торопит работника, а тот отвечает: «Сотворю (так), что пожалуешь ты, распорядитель!» Тот же или другой распорядитель камнедел(ов) лощит каменный сосуд, сидя на земле

против простого «камнедела», занятого такой же работой (GAR:XXXIV). Два кожевенных работника сидят на земле и работают. Перед тем, который кроит обувь, стоит «распорядитель мастерской» (*айм-р' из*) и растягивает на подставке кожу (RTS:XXXIII). Само собой разумеется, что «распорядители ваятелей(ей)», одни ли (RTS:XXXIII) или с помощниками (RTS: XXXIII; RTM V:XVIII), собственоручно работали над изваяниями. В последнем случае (RTM V:XVIII) «[распо]рядитель ваятелей(ей) Ч'в» представлен большим и в длинном описании, а «ваятель Сбк-м-хът» — маленьким и в описании коротком.

Если «распорядители» участвовали в общей ручной работе, то в ней, естественно, принимало участие и второразрядное руководство — «наставники» (*схъджв*). «Наставник кузнец(ов) К'й» обрабатывает самолично сосуд (DAeAe II:XLIX b). «Наставники мастеров (т. е. камнеделов)» лощат изваяние вельможи (SO XVII 2:[10]). «Наставник(и?) ваятелей» работают над вельможескими изваяниями (SO XVII 2:[10]).

§ 32. Снабжение работников продовольствием

О продовольственном снабжении мастеров повествуют изображения в пяти гробницах.

В гробнице областечальника *Пий-снх* князь, ведомый двумя управляющими хозяйством («распорядителями дома») и сопровождаемый третьим, шествует «смотреть работу всякую мастеров» (RTM V:XVI). Одни мастера сверлят каменную посуду и лощат изваяния, другие плавят и куют медь, третий изготавливают украшения. Позади князя трое мужчин несут довольствие работникам. Первый держит, опирая о плечи, большой чан и продолговато-округлый хлеб, а с согнутых локтей свисает по суме. Второй несет большой сосуд, наполненный чем-то намного выше краев, если только это не большой хлеб. Третий мужчина несет на плечах какую-то увесистую снедь (переднюю бычью ногу?); через согнутый локоть у него подвешен кусок мяса. Над мужчинами представлены сложенные на земле рыбы, мясо, две груды длинных хлебов, рядом же стоят два больших сосуда. Надпись перед несущими и сваленою едою поясняет, что изображена «доставка вещи (с определителем продолговатого хлеба, значит, „доставка пищи“) мастерам».

В гробнице другого областного князя, *Пий-снх* (по прозванию *Хъний*), князь занят «смотрением на писц(ов) очерка (и) на работу вая(телей)». Один из «писцов очерка», т. е. художников, человек с известным положением в обществе — «(жрец-)установщик (*хъри-хъйт*), писец дома книги божьей (т. е. дома священной письменности) дома большого (т. е. царского дворца), чтимый *Ихъий-м-с'-пий*, (а) имя его доброе (т. е. дружеское) *Ирий*» (в одном случае он окрашивает изваяние князя,

RTM V:XVIII, в другом — расписывает поставец с сосудом, RTM V:XIX). Тут же «писец Зишин» раскрашивает сосуд (RTM V:XVIII). «[Распо]рядитель ваятел(ей) [Й?]ч'ий» и его помощник, «ваятель Сбк-м-хът», делают вместе статую князя (RTM V:XVIII). Над просто «писцом» и просто «ваятелем» изображены две груды еды (мясо, хлеба, лук) и между ними большой закупоренный сосуд. Надо всем этим надпись: «— пища (уцелели знаки хлеба и пива) для писц(ов) очерка (и) ваятелей» (RTM V:XVIII).

Угощающимися ваятелям мы видим вне мастерских. В гробнице *Шпсс-р^c* подле кресла вельможи, развлекаемого пляской, пением и игрою (на арфе и дудке), сидит на полу «баловень (мхънн)» его (т. е. вельможи), ваятель *Нфр-йхь*, и перед ним низенький столик со смоквами и еще каким-то плодом, а рядом сосуды с напитками (DAeAe II:LXI a). В гробнице *Птхъ-хътп* «баловня» его, возлюбленного им, того, кто в чести у него, распорядителя ваятелей *снх-н-птхъ* везут в легком членоке; перед ваятелем поставлена разная снедь, а мальчик поит его из длинного сосуда (TP:XXXII=E:65 111).

В гробнице того же областного князя *Пий-снх*, по прозванию *Хъний*, представлены за работую пятеро «камнесечцев» (*хъртй-нчр*) (RTM V:XXI). Что они не люди со стороны, а свои работники, видно по тому, что их изображения надписаны не только их рабочим званием, но также их именами. Рядом навалена особенно богатая пища: хлеб, мясо, овощи, плоды, напитки.

В гробнице областного князя *Йбий* нижний пояс стены занят следующим изображением. В крайнем правом углу производится «взвешивание меди» на больших стоячих весах. Далее, в направлении слева направо, следуют одна за другой такие работы: «сверление сердолика», «лощение сердолика», «битье золота, сотворенного листом» (т. е. листового золота), «плавка меди». Медники, раздувающие огонь через свои трубы, занимают крайнее слева положение. В остающемся в левом узком пространстве стоит мужчина с сумкой и корзиной, полной небольших закупоренных сосудов, предназначенных, может быть, для разгоряченного горла плавильщиков³⁹. Вряд ли возможно сомневаться в правильности определения издателем предметов в корзине как пивных сосудов. Можно было бы подумать, что мужчина подносит плавильщикам слитки меди, такие же продолговато-яйцевидные, как изображенные в знаке «меди» в двух надписях данного пояса. Однако оба эти знака окрашены в синий цвет, свойственный в египетском искусстве меди, тогда как низ одного из шести яйцевидных предметов в корзине сохранил красную раскраску. Далее, все шесть предметов перехвачены выше середины поперечной чертой, точь-в-

³⁹ Davies N. de G. The Rock Tombs of Deir el Gebrâwi. Pt I; Tombs of Aba and Smaller Tombs of the Southern Groups. L., 1902 (=Archaeological Survey of Egypt. 11 memoir), c. 20.

точь как пивные сосуды на изображениях обыкновенно пересечены в этом месте чертою, знаменующей начало глиняной шапки — закупорки. Пивные сосуды, закупоренные остроконечною шапкой из глины (ила), были тоже продолговато-яйцевидными, как предметы в корзине, и, сделанные из обожженной глины, были сами красного цвета, как на изучаемом изображении. Если в корзине у мужчины было пиво, естественно предположить вместе с издателем, что в суме была еда⁴⁰. Можно было бы и тут начать сомневаться, ненес ли мужчина в своем кошеле сыры для рабочих, поскольку к весам в правом углу пояса, снабженным вместо чашек крючками, подвешено с каждой стороны по кошелью. Однако кошели носильщика и весовщиков разного рода. Кошель с медью или с гилями, как содержащий большой груз, имеет две ручки зеленого цвета, без всякого узора и относительно мелок. Кошель же у мужчины с корзиною имеет одну, зато длинную ручку, частично по меньшей мере красного цвета, пересечен поперечными полосами и снабжен каймою, к тому же относительно глубок. Все указывает на то, что сумка у мужчины не рабочая и не рассчитана на переноску тяжелой руды. Существенно и то, как мужчина несет кошель. Он надет на согнутую руку, без того уже отягченную корзиною с пивом, свешиваясь с руки в месте сгиба в локте, так что содержимое явно не может быть слишком увесистым. Да и вообще вряд ли египтянин изобразил бы мужчину с напитками в одной руке и с сумою с производственным сырьем, а не съестными припасами на другой. Вдобавок сумма тождественна с двумя сумами, которые нес, притом также на согнутых руках, мужчина у *Пий-снх*.

⁴⁰ Там же.